

ЕВГЕНИЯ ГРОЗД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дитя
НЕНАВИСТИ

Евгения Грозд

Дитя ненависти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243161

SelfPub; 2022

Аннотация

Он убил её семью. Сломал, оставил умирать, истекая кровью, но судьба не только велела выжить, но и "наградила", даровав ребёнка от убийцы. Что это? Подарок или наказание? И как он решит судьбы героев? Новая версия романа. Содержит нецензурную брань.

Евгения Грозд

Дитя ненависти

Пролог
ОЛЬГА

Он внутри меня. Двигается, яростно и жестоко вбиваясь в моё мёртвое, но ещё живое тело. Нет сил кричать, сопротивляться, даже думать. Это последний акт моей боли. Скоро всё закончится.

Смотрю мимо него, на мужа, тело которого распластано по полу, и из перерезанного горла красным вязким пятном растекается багровая жижа.

В ушах всё ещё звон от криков и выстрелов, злой беспощадный смех. В коридоре виднеется окровавленная детская ручка моего маленького сына – он мёртв. Эти твари убили его, забрали от меня навсегда.

Тело не моё. Я уже не чувствую, как его сминают, терзают и насилуют, навеки уничтожая во мне женщину. Всё разрушено и разбито на мелкие частицы. Погублено этими злыми и беспощадными руками. Я – мертва.

Это ничтожество скоро сделает своё мерзкое дело, и я тоже догоню вас, мои родные. Скоро!

Не могу дышать. В висках застучало от недостатка кислорода. Каменные пальцы сдавили шею. Ни ноги, ни руки не реагируют, чтобы спастись. Смерть? Да, пожалуйста!

Смотрю вдаль, на потолок именуемым "небо", и улыбаюсь, предвкушая, как поймаю сына за руку, крепко обниму и не пущу туда одного. Без меня. Мой мальчик всегда должен быть со своей мамой. Со мной... Даже там!

"Боже", – молю, – "дай мне скорее умереть"!

Это лицо – жестокое и беспощадное – рассеивается от пелены моих беззвучных слёз. Как жаль, что именно оно стало для нас всех последним. Стук в голове уходит в вакуум, сменяясь мраком. Пустота.

Спасибо...

Глава 1. Удар

ОЛЬГА

Тяжёлый воздух разорвал гортань.

Я жива? Боже, нет! Нет! Едкий дым саднит горло, запах гари мутит рассудок. Они подожгли дом?!

Сыночек?! Мозг прыгнул от моего резкого скачка. Нужно скорее вытащить его из дома! Падение на пол. Ноги не способны передвигаться, но я обязана двигаться вперёд, к сыну. Он же погибнет, задохнётся в дыму! Доползла до крохотного тельца, сгребла в охапку, прижав к лицу. Холод и темно-багровые пятна изменили любимое личико, но рассудок и сердце отторгает страшное, пичкая душу огромными дозами надежды и глупой веры в лучшее.

Глупости, всё хорошо! Нам просто нужно отсюда поскорей уйти! А потом я разбужу его, и маленькие ручки крепко обнимут, развеяв весь ужас.

– Всё хорошо, милый. Мама уже тут. Рядом. Я с тобой.

Адская боль в спине и руках, кровь из промежности сочится по ногам. Лохмотья разодранного платья не скрывают срамных мест, но я не способна это осознавать.

– Сейчас, родной, сейчас!

Выползла с бесценной ношей во двор. Поместье частично охвачено огнём. Горит сарай, баня, беседка, домик для персонала, задняя часть нашего дома. Подъездная территория усыпана трупами: наша домработница и гувернантка, охранники, садовник. Мёртвый пёс возле конуры до сих пор дёргает задней лапой в тике.

Пламя огня окрашивает весь этот ужас в яркий оранжевый цвет, серая пелена дыма заволакивает пространство, сковывая лёгкие.

Капли. Вода? Может, слёзы? Нет, просто дождь. Сам Господь увидел этот ад и плачет вместе со мной.

– Сашенька? – посмотрела на личико сына, упав с ним на выстриженный газон. – Всё... Мы в безопасности. Открой глазки, родной. Взгляни на мамочку, – поцеловала заledenые щёчки. – Ну, проснись... Проснись, мой хороший! Проснись, пожалуйста!

Прижалась к мёртвому крошечному телу, лихорадочно раскачиваясь и продолжая звать своё убитое дитя, тормозя за плечики и глядя синюшное личико. Он просто уснул. Спит. Очень крепко спит! Его всего лишь нужно разбудить. Сашенька?! Ну, пожалуйста...

Чьи-то руки сгребли меня, тряхнули.

Он вернулся? Решил удостовериться? Надрывно вскрикнула, сквозь пелену слёз пытаюсь разглядеть.

– Ольга Николаевна. Ольга...

Её больше нет. Она убита, стёрта с лица земли. Дождь рассеивает ступор, и вижу насмерть перепуганного, но знакомого мужчину. Это наш шофёр – Антон. Он коснулся лица, пытаюсь достучаться до моего сознания. Озирается в ужасе по сторонам. Вопросы, слова проклятий, паника.

– Оля?! Что... что?!

Этого не произнести, не спросить, не понять и не осознать. Это не умещается в голове, в сердце, в понимание человечности.

Антон устремился в дом, а я сильнее прижала сына к груди. Холодное, податливое, пустое и безжизненное. Я держу на руках своё мёртвое чадо. Его больше нет! Его отобрали! Забрали туда, откуда не вернуть даже ценой собственной жизни. Осознав бесповоротность жуткого факта, криком выпустила из себя боль утраты, протеста и безысходности. Раз, чтобы малыш услышал меня и захотел вернуться к мамочке. И два – до хрипоты в горле, до боли в груди, до разрыва сердца, чтобы умереть вместе и не пустить его одного в темноту, которой он всегда так боялся.

– Оля... Оленька, тш-ш, – дрожащие руки Антона сжали в кокон. – Тихо, тихо...

Крик ушёл в неудержимый рёв, воем раскатываясь по по-

верхности земли, эхом врезаясь в небо и пугая вокруг всё сущее.

Дождь шёл стеной, не давая пожару разгуляться и осаждая на начале. Моё уничтоженное и никчёмное тело в руках шофёра маятником раскачивается, сжимая в руках крохотное и безжизненное тело сына.

Вижу до сих пор, как та мразь всё ещё убивает нас. Всё ещё вижу ЕГО жуткое лицо перед собой. Он, наверняка, горд творением своих рук, рад, что уничтожил мою жизнь, что убил столько невинных людей. Моих любимых людей. Убийца пришёл сюда, чтобы стереть нас с лица земли? Так тому и быть! Пусть думает, что победитель. Но ты просчитался, твоя жертва ещё жива и сделает всё, чтобы вернуть обратно свою боль. Чтобы ты тоже вкусил её, но в сотню раз сильнее. Я стану твоим проклятием.

– Нужно вызвать помощь, – Антон достал из-за пазухи содовый, ломая весь мой дальнейший план мщения.

Нет! Никто здесь не нужен. Уже поздно что-то спасать. Ничего не осталось, кроме моей ненависти.

– Нет! Никто не узнает, что мы живы, – процедила я и отобрала у мужчины средство связи, выкинув куда-то в траву.

Высвободилась из объятий шофёра и поднялась с ребёнком на ноги. Антон вскочил, придерживая меня и мою бесценную ношу. Шагнула от него к дому.

– Нет, Ольга, там опасно, – тут же вцепился в моё плечо, желая остановить.

Ни черта ты не понимаешь!

– Не трогай! – рявкнула не своим голосом, отчего мужчина невольно попятился.

Я шла обратно в убитый дом, чтобы уничтожить семью Бранга до конца. Войдя, осторожно уложила тело сына на диван. Погладила светлые волосики, личико, ручки, ножки. Боль капканом сдавила горло, мышцы, грудь.

"Я оставляю тебя так, Сашенька. Больше не увижу твой родной лик. Тебя забрали в небытие. Боже, прошу, пусть там ему не будет страшно, как мне сейчас!"

– Прости меня, солнышко. Прости, что не уберегла, – горячие слёзы снова жгли веки и кожу лица.

Прижалась лицом к его окровавленной груди, в которой когда-то музыкой звучало биение маленького сердечка, но теперь оно замолчало навсегда.

Поднялась бездушной статуей. Детская ручка безжизненно выскользнула из моей ослабшей руки и пала вдоль маленького тела. Отошла на пару шагов, переместив взор утраты на мужа. Осела возле. Пустой взгляд Кирилла смотрел мимо меня. Осторожно прикрыла пальцами веки и поцеловала мёртвые губы.

– Они ответят за то, что сотворили. Клянусь, – окунула ладони в его кровь и растёрла её по своему разорванному платю.

– Оля! – крик шофёра. – Ольга...

Я поднялась и огляделась. Огонь! Только он сможет всё

убить до конца, уничтожить все следы, даже наши. Тех, кто ещё остался жить для отмщения.

– Помоги мне, – велела мужчине, направившись обратно во двор.

Подобрала с земли канистру с бензином, брошенную ещё убийцами. Антон не стал вразумлять меня и вооружился палкой. Окунув в её бензин, поджёг своей зажигалкой. Вторую такую же вручил мне, забрал из рук канистру и сам направился в дом.

Через четверть часа мы покинули пределы двора, но уйти сразу нельзя.

Я смотрела, как языки пламени поглощают мою счастливую жизнь, родных, друзей, мою прошлую суть. Меня, которая ушла с ними и больше никогда не вернётся.

– Ты видел, как все сгорели в доме. Никто не выжил. Ни полиция, ни друзья – никто не должен знать обо мне...

Антон растерянно смотрит на меня, понимая к чему я клоню.

– Я не оставлю Вас... Тебя одну, – его взгляд вдруг стал жёстким и решительным.

– Тебя это не касается... Ты мне не нужен там, – уронила я, глотая соль слёз. – Уходи. Не порти себе жизнь.

– Я сказал – нет.

Кинула на него безразличный, затуманенный взор, измученно покачиваясь на ветру. Он снял пиджак и завернул в него.

– Оля, я буду рядом. Я с тобой. Ты не одна.

Уронила голову ему на плечо, чуя, что теряю оставшуюся силу. Антон осторожно поднял на руки и отнёс к машине, которая принадлежала моей теперь уже мёртвой семье. Уложил на заднее сиденье. Ощутила заботливое касание на голове и плечах.

Автомобиль аккуратно тронулся с места, укачивая в глубокое беспамятство.

АНТОН

Зарево увидел ещё издалека. Втопил педаль газа в пол, чтобы скорей ворваться в пылающее поместье Бранга.

Где пожарные? Почему никто их не вызвал? Никаких криков, суматохи. Что могло произойти, пока я выполнял несчастную просьбу нашей поварихи Светланы? Всего лишь поездка до магазина за недостающими продуктами для праздничного ужина, и теперь не узнаю родное место.

Остановил машину у забора. Вбежав во двор, спрятанный за высоченной кирпичной изгородью, едва не налетел на труп Паши, нашего охранника.

Что... Что же это?! Ещё трупы... Лиза?! Витя! Лишь дальше, идя по дорожке, уличил движение.

Оля?!

Растрёпана, избита, в крови. Держит в объятиях своего малыша, который недвижим, и пятно багровой кляксой окрасило его цветастый костюмчик. Сашенька?! Боже! Он тоже мёртв?! Полный двор смертей. Хозяйка дома не реаги-

рует. Лицо в саже и в дорожках от слёз. Распухла щека от чьей-то мерзкой руки, на лбу пятна крови, и я понимал чьи.

Кирилл?! Где её муж?! Едва сохраняя координацию, кинулся в дом. Дым щиплет глаза, застилает копотью горло и нос. Кашель мгновенно одолел до удушья. Полумрак не давал разглядеть силуэты, постоянно натывая меня на мебель.

– Кирилл! Света?! – запнулся и упал прямо на хозяина дома.

В ужасе отпрянул, осознав, что вымазался прямо в его крови. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Бросился в кухню. Та же картина – убитая кухарка лежала под столом с мёртвыми широко открытыми глазами.

Во дворе что-то громко ухнуло. Сарай набит баллонами с пропаном и в доме они тоже есть. Надо скорей уходить. Выбежал снова во двор.

Женский отчаянный крик оглушил округу, прорываясь через шум дождя. Оля! Рухнул возле неё, обнял за плечи, прижал к себе обуреваемое дрожью несчастное тело.

Какая тварь могла сотворить это? Да, Кирилл богатый бизнесмен, у него много связей, как, собственно, и завистников, но в чём же виноваты остальные? Слуги, жена и это совсем ещё крохотное создание! Не отлучись я, был бы среди них?! Содрогнулся. А может быть, смог помешать? Дал бы им отпор. Смог бы спасти Олю и Сашу. Неожиданное чувство вины накрыло камнем душу.

Хрупкое тело жены моего хозяина билось в неистовом го-

ре, а мне оставалось лишь крепко держать девушку, боясь, что и её душа покинет тело вслед за всеми.

Сильный ливень проникал до костей и не дал пожару погубить дом до самого основания. Призрак траура висел в воздухе, звеня неожиданной тишиной.

Оля встала с сыном на руках и понесла его в дом. Пытаться останавливать убитую горем женщину – опрометчивое решение, потому отступил, но и находиться в доме с пропаном ей нельзя.

Шок длился лишь секунду, когда понял, что она решила доделать работу убийцы до конца. Мешать ей не буду, даже помогу. Сердце скорбящей матери и жены способно на невероятные вещи и останавливать его не имеет смысла.

Но прежде, чем поджечь дом, включил мозги. В её комнате прихватил брюки, кофту, ботинки и куртку. Как-никак, но октябрь уже не баловал тёплыми днями. Утрамбовал всё в большую походную сумку. Пробегая мимо кабинета хозяина, понял, что нам нужны средства к существованию. Метнулся к сейфу. Открыт. Конечно же его опустошили. Идиот, на что надеялся?! Но, взглядевшись лучше, опешил – деньги и другие ценности на месте. Вломились в дом, вскрыли сейф, но ничего не взяли?! Или взяли только то, что незаметно моему глазу? Нет времени сейчас это выяснять.

Гнал машину вон из города, в какую-нибудь глушь. Ближе к утру понял, что глаза дико слипаются, поэтому принял

решение припарковаться у обочины и вздремнуть.

Пары часов хватило. Когда открыл глаза, взглянул на Олю – она, словно мёртвая. Присмотрелся – дышит.

Мне сейчас очень страшно за неё. Она выжила, но что дальше? Что дальше Ольга намерена делать? Что в голове женщины, у которой отобрали всё? Мстить или снова воскреснуть из пепла? Увижу ли я когда-нибудь прежнюю Ольгу Николаевну? Олю...

Попробовал представить, что сейчас творится в поместье Кирилла Бранга. Обнаружили ли трагедию? Нет, ещё рано.

Присоединяясь к выжившей, составил логическую цепочку в голове легавых. Я буду первым подозреваемым. Отсутствие водителя и машины – всё чётко. Данные автомобиля для полиции узнать – раз плюнуть... Необходимо избавиться от тачки.

– Оля? – осторожно тронул девушку за плечо.

Она мгновенно распахнула веки, огляделась. Вижу, как к своему ужасу снова осознала, что произошедшее не сон.

– Ольга Николаевна... Пора.

Сунул девушке сумку с вещами. Отдых помог девушке лучше осознавать происходящее, но горе полностью притупило все женские инстинкты. Оля стянула с себя плащ и окровавленные лохмотья платья, ни капли не смущаясь демонстрировать свою наготу.

Спохватившись, я тут же отвернулся, понимая, что её сознание не способно сейчас воспринимать меня, как мужчи-

ну. Переодевшись и сунув платье в сумку, хозяйка обнаружила внутри пачки денег и семейные драгоценности.

– Напоследок ты решил ограбить мой дом? – хмуро проронила она, но во взгляде не было ни злости, ни тем более осуждения.

– Тебе нужно с чего-то начинать.

Девушка запустила ладонь в семейные украшения, разглядывая гипнотизирующий блеск камней. Знаю, она думает о том же, о чём подумал и я вчера.

Выудил из бардачка протеиновый батончик и протянул Оле. Всегда держу их в наличии, как начал посещать спортзал.

– Спасибо, – девушка помотала головой, отказываясь.

– Оля, – сурово посмотрел на неё. – Это нужно, поняла?

Как бы мне не претило говорить с ней строго, но понимал, что только так девушка "просыпается" и держится на плаву своих эмоций. Оля покорилась и неохотно приняла пищу.

– От машины надо избавиться, – поделился с ней планом дальнейших действий. – Не найдут тачку, значит и не найдут меня, соответственно и тебя... Вас...

Всё время ловил себя на мысли, что не могу больше обращаться к ней на "Вы". Вчерашний жуткий вечер сроднил нас навсегда. Отныне мы теперь равны.

– Здесь недалеко должно быть озеро. Немного болотистое, но машину утопить можно, – поступила первая логическая мысль из уст моей бывшей хозяйки. Так и поступим.

Расправившись с машиной и умыв лицо и руки в холодной воде, отправились в дальнейший путь. Дачник подобрал нас к автобусному вокзалу и оттуда пошла череда бесконечных пересадок по пригородам. Спустя ещё сутки конечный рейс довёз нас до мелкого городка в окрестностях Тюменской области. Доезжать до этого города я не планировал, и мы вышли на небольшой развилке к маленькому, частично заброшенному и призрачному посёлку.

Я метил сюда, так как слышал, что в этих местах большое количество брошенных домов. Поблизости не было ни связи, ни больниц, ни школ. Посёлок постепенно уходил в небытие из-за полного отсутствия цивилизации. В домах оставались лишь престарелые и старожилы, которым некуда было податься. Люди просто доживали свой век.

Идти до него тоже неблизко, километра два-три, но Оля стойко шла за мной следом, помогая тащить часть нашей ручной клади.

Невольно поглядывал на неё. Рыжие и в сажу локоны она спрятала под платком. Куртка наглухо застёгнута. На красивом лице виднеются синяк и царапины. Взор пустой, почти безжизненный, смотрит вперёд, но ничего не видит перед собой. Скулы заострились от крепко сцепленной челюсти. Милой, нежной и доброй Ольги Николаевны больше нет. Я теперь понятия не имею, кого забрал с собой из погорелого дома Бранги.

Посёлок встретил тишиной и стрекотом сверчков. Осен-

ний ветер гонял по размытым дорогам сухую листву и мусор. Пахло дикими яблоками и баней.

Оглядевшись, определил лишь несколько жилых домиков. Для нас выискал тот, что располагался ближе к лесу. Судя по густоте зарослей и покосившемуся забору, жильё брошено давно. Войти не составило труда. Жуткий холод, темень и запах сырости заставили немного содрогнуться.

– Сначала посмотрю, что с электричеством, – поставил сумку на некоторое подобие стула. – Потом проверю остальное.

Оля разглядывала шкафы и полки. Заглядывала внутрь, скрипя старыми дверцами. Дом нуждается в хозяевах и уже давно.

– Чем мне помочь?

Поднял на девушку неуверенный взгляд. Непривычно видеть в хозяйке богатого поместья равную теперь себе.

– Побудьте пока здесь.

– Антон, чем я могу помочь? – она повторила свой вопрос с нажимом.

Работы всё-таки хватало, а ей лучше двигаться, чем сидеть здесь погружённой в траур.

– Поищите в посёлке продовольственный. Нужно основное – соль, сахар, хлеб, спички. Об остальном не могу сказать, но это точно главное.

– Я поняла, – Оля тут же выудила из сумки несколько кушюр.

– Возьмите самые мелкие, – посоветовал девушке. – Я в лес потом за валежником. Дом нужно как следует протопить до ночи. Поленница, скорей всего, пуста.

И направился к выходу.

– Антон, – окликнула девушка. Обернулся. – Теперь просто Оля, ладно? А ты больше не служащий.

Отчего-то в этом месте захотелось её поправить. Она всегда останется моей хозяйкой, а я её подчиненным. Не только по статусу...

Я всегда восхищался Олей и часто по-доброму завидовал Кириллу, а в других девушках искал для себя подобную. Богатство не испортило ни её сердце, ни внешний вид, как бывает у светских львиц. С подчиненными она всегда вела себя уважительно и по-доброму. Даже не брезговала сесть с прислугой за один стол или помочь с приготовлением ужина. Её персоной я был почти моментально покорён, когда заступил на работу в дом Бранги.

– Хорошо, Оля, – кивнул, смутившись, и вышел во двор.

Проверил сперва электричество. Подведено и нужно включить в щитовой. Хорошая новость на сегодня. Дом отапливался только старой каменной печью. Колодец заброшен, но рабочий, нужно лишь вычерпать из него воду и почистить. Сарай, баня и туалет так же затянуты густыми зарослями крапивы и забиты рейками.

Сперва пробрался к бане. С первого взгляда вполне укомплектована, но прохудившаяся и не просмолённая. Делилась

на парилку и недостроенный предбанник. Печь обложена кирпичом, бочка для воды и скамья с тазами и ковшами.

Пробравшись к сараю, нашёл и там немало нужного и интересного. Внутри обнаружил старые клетки, в которых, видимо, когда-то содержали кроликов. Ниже – пара насестов для кур. В подполе – топор, молоток и часть ржавых инструментов. Потом переберу на досуге.

По моему поручению Ольга отсутствовала недолго, но вернулась аж с двумя пакетами. Умница, держится и по-хозяйски подошла к делу. Значит, не всё ещё для неё потеряно.

– Тут только два магазина – промышленный и продуктовый, – доложила она, отдавая мне ношу. – Ты смог включить электричество?

– Да, но пока нужно следить за проводкой. Может коротнуть, слишком ветхая. Позже заменю. Выключатель там.

В пакетах первым делом нашёл бутылку с водой. Отвинтив крышку, жадно присосался к горлышку. Оля последовала моему примеру.

– В колодце есть вода. Пить пока нельзя, но использовать можно. Похозяйничай пока здесь, а я в лес за валежником.

Вооружился топором, в шкафу прихожей нашёл резиновые сапоги, балахон и верёвку.

– Будь осторожен, – Оля напряжённо наблюдала за моими сборами.

– Не переживай. Я быстро, – слабо улыбнулся ей и ушёл. Вернулся через два часа. Часть вороха бросил в полenni-

цу, другую внёс в дом.

Оля всё это время не сидела, сложа руки. Натаскала воды, прибрала кухню и спальню. Выдраила полы. На диване обнаружил тёплый плед, а на кровати – новое постельное бельё. На столе в миске таяла куриная тушка. В желудке скрутило, давая мне осознать, что я не ел уже вторые сутки, впрочем, как и она.

Затопил печь, не забыв проинструктировать и её. Оля углубилась в готовку ужина, я же решил заняться баней и колодцем. Наполнил пять огромных бочек водой, максимально опустошая колодец. Чистить сегодня уже опасно, начало темнеть, потому решил продолжить завтра.

Вернувшись, ощутил явное потепление в доме. Оля даже сняла куртку. Девушка поставила на стол картофель тушёный с куриным мясом. Изысков ждать не следовало, так как на это не было ни средств, ни условий, но приготовлено достаточно вкусно, по крайней мере, съел до последней крошки.

– Мне нужны новости, – хмуро проронила она, когда трапеза закончилась.

– Оля, сейчас лучше не высовываться.

– Антон, мы в окрестностях Тюмени. Это свыше двух тысяч километров от Москвы. Вряд ли, о нас тут кто-то знает.

– Здесь, наверное, нет мобильной связи.

– Надо найти.

Я с минуту помыслил:

– Хорошо. С утра займусь питьевой водой, а потом сходим с тобой до ближайшего города. Он в четырёх пяти километрах отсюда. По карте узнаем, какая вышка здесь ловит и на каком радиусе.

– Без паспорта сим-карту нам не продадут, – угрюмо проронила Оля.

– Значит, найдём того, кто даст нам этот паспорт, – парировал в ответ.

В её лице начинали проявляться проблески жизни.

– Баня будет готова через час, – сообщил, вставая из-за стола. – Я пока в сарай. Посмотрю получше, чем можно там пожить. В туалет не ходи – он не пригоден. Я поставил ведро в сенках.

– Хорошо, – буркнула девушка и принялась собирать со стола посуду.

Тормознул, глядя на серое лицо. Нет, понадобятся месяцы, чтобы хоть немного приподнять в ней дух.

– Спасибо, Оль, было очень вкусно, – благодарно посмотрел на неё. Я обязан подбадривать её сейчас. В любой ситуации искать что-то положительное, поддерживать не только делом, но и словом.

Девушка снова кивнула, словно для галочки и отвернулась к рукомойнику.

В сарае посчастливилось найти старые удочки и пару капканов для мелкой фауны. Из недр металлолома выудил гвоздодёр и кочергу. Последнее, пожалуй, отдам хозяйке нового

дома, а первый предмет как раз кстати – доски с окон, с его помощью, сойдут на раз. А вот и то, что нужно – длинная щётка для чистки колодца. Отлично!

После ползания по лесу и пыльным сараям с удовольствием помылся в бане, к счастью, Оля додумалась купить два куска туалетного мыла. О полотенцах она тоже побеспокоилась, правда, о нижнем белье речи быть не могло. Ладно, купим завтра в городе.

Войдя в дом, нашёл её сидящей на диване, поджав к себе ноги. Она смотрела в противоположную стену и явно разглядывала не её цвет.

– Баня свободна. Ты можешь идти, – сообщил, перехватив собой этот невидящий взор. – Там пока не парит, как положено, но вполне комфортно...

– Я не пойду, – воспротивилась девушка, вновь вводя меня в отчаяние. Нет, с ней не будет всё просто.

Выдохнул и попытался воззвать к разуму:

– Оля, ты не можешь завтра появиться в городе в таком виде. Мы вызовем вопросы.

– Но здесь же не вызвали, – воспротивилась ещё пуще.

Да, в целом мы выглядели сносно, но прошло почти двое суток, а наши тела до сих пор хранят смрад того вечера.

Взглянул на Олю, анализируя. Ниже лица до сих пор остатки крови её мужа и сына. Копоть на плечах и ногах. Боже, она словно боится потерять с тела их дух, последние частички их кожи, тлена. Боится окончательно ощутить оди-

ночество, если скинет эту "старую шкуру" и облачится в новую. Это будет символом того, что она прощается с ними, отпускает. Ведь, по сути, она даже могил их не увидит.

– Оля, – присел рядом на корточки, пытаясь заглянуть в глаза. – Пожалуйста. Так нужно.

Из глаз девушки побежали слёзы. Вот оно, а я уже начал бояться, что больше никогда не увижу их. Значит ещё жива, чувствует и может бороться за себя. Провёл ладонью по хрупким плечам. Осторожно приобнял и поднял на ноги. Оля прислонилась ко мне, и я потихоньку повёл девушку во двор. В предбаннике бани помог ей снять верхнюю одежду, а после оставил одну. Уходить далеко не стал, прислушался.

Тишина длилась несколько минут, но потом с облегчением уловил плеск воды и стук металлических тазов. Умница.

Спать лёг на диван, а Оля устроилась на кровати. Натруженное за весь день тело благодарно растеклось по ложу. Провалился в сон, но в потёмках уже глубокой ночи вдруг услышал её молебный зов.

Глава 2. Звездное небо

ОЛЬГА

Непрестанно толкала от себя мысли о них. Всё время думала, что просто повредила в уме. Все на самом деле живы, но больной мозг вдруг решил, что убиты. Каждую секунду казалось, что они ищут и переживают за меня, а я тут, в забытом жизнью посёлке, за несколько тысяч километров, в старом чуждом доме с таким же сошедшим с ума водителем. Но

остатки крови мужа и сына на моём теле раз за разом били по сердцу, подтверждая, что больше никого не осталось. Все мертвы! Безвозвратно исчезли. Даже осознать утрату возле камней на могилах мне не представиться возможности.

Сейчас лёжа в ледяной постели, поняла, что давно отвыкла спать одна. Тепло мужа около десяти лет согревало душу и тело, и последние три из них семейное счастье дополняла ещё одна моя маленькая печка, которая каждое утро стремглав неслась босыми ножками к нам, втискивалась между отцом и матерью и затем снова сладко засыпала.

Я больше никогда не смогу их ощутить, не смогу притронуться к ним, увидеть, втянуть в себя знакомый запах. Их образ остановлен временем – они не изменятся в лице, не вырастут, не состарятся, не разочаруют и не предадут. Они стали святыми.

Все эти мысли сжали в комок, и слёзы снова потекли на подушку. Я не могу... Не хочу так... Так резко и жестоко.

Перед глазами снова воскресло лицо мерзавца, когда он убивал нас всех. Едва не вскрикнула от новой волны ужаса. Дрожь страха охватила капканом.

Антон сладко пошевелился на диване, сопя в подушку. Смотрела на его фигуру – сильный, надежный, не глуп, но не Кирилл. Моего мужа никто не вернёт и не заменит. Он надёжно занял пост моей вечной любви, потому что умер, потому что исполнил клятву "пока смерть не разлучит нас".

Непрестанно ворочалась на простынях. Боже, я никогда

не усну... Больше никогда не смогу спать! Эта боль не отпустит, не уйдет. Мне не суметь одержать над ней верх в одиночку.

– Антон, – голос сам вырвался из моих уст.

Мужчина слегка дрогнул ото сна и приподнял голову, морщась:

– Что случилось? Тебе нехорошо?

– Прошу, ляг со мной, – молвила решительно.

Я бы никогда не позволила кому-то подобное, но этот человек сейчас был необходим, как воздух. Просто его присутствие – вуаль защиты и тепла.

Антон медлил. Да, для него это непривычно, как и для меня.

– Пожалуйста.

Наконец, мужчина поднялся и прошаркал до кровати, скромно прилёг на край. В тиши услышала, как молотом бьётся его сердце. Я и раньше замечала его равнодушие ко мне, но уважала за то, что он никогда не посмеет посягнуть на чужое, даже теперь. Придвинулась к нему ближе и, обняв за талию, уткнулась носом в мужской бок.

– Мне страшно одной, – проронила еле слышно. – Очень страшно...

Антон громко выдохнул, и немного расслабившись, забрал в свой защитный кокон, крепко прижав к груди.

– Спи, Оль... Спи, – его ладонь мягко гладила волосы, а жар тела дал желанный покой. Веки мирно опустились, об-

ретья подобие полноты.

Когда проснулась, мужчины рядом не оказалось. Во дворе послышалось копошение с постукиванием. Доски на окнах не позволяли толком рассмотреть происходящее, но знала, что это Антон продолжает хозяйничать.

Одевшись, вышла на крыльцо. Бывший шофёр крутился вокруг колодца. Труба бани слегка дымилась, видимо, заготовлена, чтобы потом ополоснуться после тяжёлых работ.

Осеннее солнце сегодня светило веселей. Природа хоть и умирала вместе со мной, но отчего-то дарила надежду на воскрешение. Она, как и я самоустранилась с лица земли, чтобы потом воскреснуть и покорить всё с новой силой. Я убита, я пережду и вернусь другой – сильнее и опасней, чтобы уничтожить уже вас, ублюдки.

Погрела лицо на солнечных лучах и слегка поёжилась. В последний раз глянув на работника, решительно вернулась в дом, чтобы последовать его примеру и приготовить для нас завтрак. В печь давно подкинута поленья, потому можно сразу заняться готовкой.

Поработав и помывшись, Антон вернулся в дом. Запах еды тут же приободрил его.

– К завтрашнему утру в колодце будет питьевая вода, – сообщил он, снимая с себя обувь и балахон. Вымыл руки и довольно уселся за стол. – Ты ела? – строгий взгляд.

– Да, немного, – приврала я.

В желудке – кол уже несколько дней, а вся пищеваритель-

ная система в коматозном состоянии.

Мужчина заглянул в сковородку и после, стянув с мойки ещё одну тарелку, отложил туда часть своего пайка и придвинул ко мне.

– Хочу на это посмотреть.

– Антон, я не голодна.

– Оля, нянчить тебя не собираюсь! – Его брови сердито сдвинулись. – Мы в одной упряжке, и я готов на многое для тебя. Поэтому либо мы помогаем друг другу, либо, прости, умываю руки.

– Я не настаивала на твоё участие, – обиженно возмутилась в ответ.

– Да, – опустил голову, молчал, но после вдруг резко встал. – Я сейчас вызываю сюда полицию. Рассказываю всё, как есть. Меня помучают, но оправдают, а тебя засунут в клинику для душевнобольных. Хочешь?

– А ты жесток, – сочувливо заключила я.

– Только, когда забочусь о тебе, – отчеканил мужчина. – Брось эти штучки и ешь. У нас сегодня много дел. Силы нужны обоим.

От его слов всё же стало немного совестно и, покорившись, придвинула к себе приборы. Антон удовлетворенно сел обратно за стол и тоже принялся трапезничать.

Через час сборов выдвинулись в город. У трассы Антон словил попутку. Городишко оказался небольшим, но быт в нём более развит, чем в посёлке: магазинчики, киоски, рын-

ки, даже пара торговых центров. Антон выискивал отдел связи. В первом сначала купил смартфон, а уже во втором – сим-карту.

– Можно ваш паспорт? – молоденький менеджер салона прытко оформлял покупку.

Антон протянул ему пятидесятичную купюру.

– Оформи на свои документы, – мужчина произнёс это так, словно всё было в порядке вещей.

– У вас, ребят, что, проблемы? – паренёк нервно оглядел нас.

– Никаких. Просто оформи на свои документы и заработай пять косарей, – процедил Антон. – Считаю до пяти, и мы предлагаем лафу другому.

– Я просто не хочу проблем...

– Раз, – будто ударил.

– Ладно, ладно... Через месяц хоть могу потом заблокировать? – менеджер продолжил работу.

– Через полгода, – разрешил мой водитель. – Не ссы, в Америку звонить не будем.

ОЛЬГА

Через десять минут мы были уже на связи. Я копалась в новостях Интернета, ища информацию о своей семье. Антон ушёл в торговый центр, оставив меня на скамейке, и вернулся уже с рюкзаком.

– Нашла?

– Да, – уронила я. – Но толком ничего. Убит Кирилл Бран-

га и его сын, а также все служащие. И пока всё.

– Дня через два СК выдвинет версии. Подождём. Это даст нам больше форы.

– Форы для чего? – не понимала я. – Мы спрятались в этой хибаре. У нас даже нет никого плана.

– Говори тише, – прошипел он, встретившись взглядом с охранником.

– Мы просто в бегах.

– А ты знаешь с кого начать? Ты больше всего должна быть в курсе дел своего мужа. Чем таким он мог заниматься или во что вляпаться, чтобы заказали всю его семью?

– Кирилл – честный человек, – оскорбленно пробуравила его лезвием глаз.

– Да, как мы. Видишь и сим-карту приобрели за пять ко-сарей, когда ей грош цена – две сотни. Оля, копаться в дерь-ме твоей семьи можешь только ты сама. Произошло страш-ное, и кто-то в этом виновен. Идти придётся с низов.

Опустила голову, судорожно соображая. Он снова прав. Но как мне это выяснить? С чего начать?

– Обсудим это вечером, идёт? – Антон сбавил обороты и примирительно похлопал меня по ладони.

Посетили ещё пару магазинов, а после вызвали такси. Оглашать водителю адрес он не стал, назвал лишь селение.

Сумерки снова постепенно опускались с неба. Тёплый пар дыхания столбом струился в холодный воздух. Печь слег-ка ещё дымилась, мелькая искорками гаснущих угольков. Я

раздула очаг и подбросила ещё поленьев. Антон вовсю снимал с окон доски, впуская больше света в дом. Позже принёс воды и где-то найденную мяту.

– Поросла тут сорняком, но чай с ней неплох, – улыбнулся, вручая мне своеобразный веник.

Ужин в этот раз был более разнообразен, и мужчина, снова предовольный, уселся за стол. Бефстроганов из говядины с пюре, салат из помидоров и огурцов, и чай, похоже, теперь ещё и с мятой. Признаться, мне было приятно видеть его благодарное лицо. Так я понимала для себя, что ещё не потеряна, как личность, как женщина. Я могу быть кому-то не просто полезной, но и даже нужной. В этот раз еду демонстративно разложила по тарелкам и себе, и ему. Не показал вида, но был удовлетворён.

– Ты многое знаешь о хозяйстве, – проронила я, спустя затянувшееся жевание.

– Родители часто отправляли к бабушке с дедом. Всему и научился у них, – уронил он.

Я сосредоточено осеклась.

– И где твои родители сейчас?

– Погибли пять лет назад в автокатастрофе, – тут же слегка поник. – Бабушка с дедушкой тоже давно умерли, а других родственников у меня нет, ну либо ничего не знаю о них.

– Прости, что напомнила, – виновато посмотрела на него. – Я тоже рано стала сиротой. Мама умерла при родах, а папа – от сердечной недостаточности, когда мне было де-

вать. Воспитала бабушка... Но и она давно умерла.

– Тогда мы понимаем друг друга.

Мужчина помолчал, переосмысливая русло беседы и, уже принимаясь, за чай, продолжил:

– Думаю, стоит вернуться к тому разговору, что мы начали ещё в городе.

Я умолкла, склонив голову. Всё, что он наговорил не уместилось в голове и не принималось сердцем.

– Ну же, Оль. Мы можем здесь вечно прятаться, а можем попробовать действовать. Они убили всех, кого ты любила. Наших друзей.

– Их было так много?! – вскинула на него удивленный взгляд.

– Их как минимум должно быть трое или пятеро. Во дворе все погибли от пуль. В доме... Ты и сама знаешь. Другие поджигали поместье и только в конце – сам дом. Странно только, почему не сразу?

Не сразу? Но ведь ответ прост. Неужели он тогда этого не понял, не разглядел?

– Ему нужно было время, – загробно проронила я, сжавшись в своё существо.

Антон так и остался с открытым ртом, в сочувствующем шоке уставившись на меня. Теперь понял. Опустил взгляд, переваривая данный факт.

Снова ощутила себя грязной, встала и устремила прочь из дома, на крыльцо, на воздух. Кривая белёсая луна пре-

зрительно смотрела на меня.

Антон дал время подумать, а может, это нужно было и ему. На крыльце вспыхнула тусклая лампочка. Под нос су- нули кружку. Запах коньяка ударил в нос, заставив помор- щиться. Мотнула головой, отказываясь.

– Я не спрашивал, – твёрдый взгляд его зелёных глаз не позволял послушаться.

Никогда не думала, что в этом парне, простом шофёре, может быть такая сила подчинять, требовать и главное – да- вать ощущение защиты.

Приняла напиток. Себе он налил то же самое. Отпил и, переборов ожог гортани, спустился с крыльца во двор. Муж- чина укутанный пледом сел на скамейку и продолжил смот- реть на бледную царицу ночного неба.

– В городе звёзд почти не видно, – проронил он, делая второй глоток.

Я, помешкав на ступеньках, всё же решила спуститься к нему и опустилась рядом на скамью. Антон заботливо поде- лился пледом. Сделала первый глоток, переживая горючий удар в нос и грудь, но мгновенно стало хорошо и тепло в те- ле. Всё напряжение размоталось из тугого клубка в лохмо- тья. Подняла голову в небо, тут же выискав большую звезду.

– В городе их скрывает автомобильный смог, вечно горя- щие витрины и рекламные щиты. В деревнях этого нет, и звёзды бесконечным воинством опускаются на голову. Слов- но ты летишь в космос.

Слушала мужчину немного заворуженно. Его речь еле-еле затекала в жилы, убаюкивая и расслабляя.

– Как и смерть, – вздрогнула, как от удара хлыста. – Смерть тоже очищает от ложного лика, оголяет, обнажая все грехи. Ты столкнулась с ней. Несправедливо и жестоко, но нет худа без добра. Судьба хочет справедливости в твоём лице. Высока цена, но жертвы не должны быть напрасны. Не допусти этого.

– Кирилл никогда и ничего мне не рассказывал, – отчаянно посмотрела на мужчину. – Работа и семья для него не смешивались.

– Идеальных преступлений не бывает. Ты не вспомнишь о них сейчас, завтра или через неделю, но я хочу, чтобы ты пыталась это сделать, а не тратила время на оправдания и отрицания.

– Я поняла тебя, – в груди начало зарождаться чувство мужества, в меня словно вдохнули силы для боя.

Антон поднялся и, повернувшись ко мне, поцеловал в макушку. Закрыла веки принимая этот жест, как печать благословения, и не глядя слушала его удаляющиеся шаги.

Последовала совету. Следующую неделю штудировала Интернет-ресурсы в поисках новой информации о компании мужа. Всмотривалась в лица всех генеральных директоров и акционеров, но всё – лишь голые факты, и никаких мыслей. Через двое суток, как Антон и предполагал, следственный комитет выдвинул первые предположения, которые привели

меня в жуткое бешенство.

– В пепелище не найдено твоего тела, – хмуро произнёс мужчина. – Они предлагают версию, что это мы с тобой убили всех в доме, а после скрылись, как любовники.

В ярости и негодовании пнула ведро с водой, приготовленное для мытья полов. Антон проследил за растекающейся по полу мыльной жижей.

– Но не это страшно, – плохие новости продолжались. – Вся эта информация дойдёт до твоих врагов через СМИ. И убрать тебя обязаны теперь как заказчик, так и исполнитель. Ты – главный свидетель и способна опознать убийц. Нас будут пасти с трёх сторон.

Я осела на табурет, переваривая новую опасность.

– Сколько у них шансов найти нас?

– Пока мы здесь, десять из ста, только высунем голову – девяносто из ста.

– Но тебя они не видели. В полиции лишь твой фоторобот.

– Знаю, как раз сейчас подумываю отрастить бородку, – он попытался пошутить.

Смешно, но не тот момент, хотя его мысль неплоха.

– Нам нужно как-то изменить внешность.

– Согласен, с шикарной рыжей красоткой в общественном месте больше не появлюсь.

– Перекрашусь в брюнетку, – парировала я.

– Ага, дудки. Купим тебе парик.

Я всегда знала, что копну моих безумно рыжих волос, ни

один мужчина не позволит остричь или перекрасить. И Антон один из них.

– Оля, в любом случае, лучше пока схорониться. Всё уляжется и утрясётся. Следствие зайдет в тупик, а твои враги решат, что ты окончательно сгинула.

Умом понимала, что он прав, но сердце кровоточит и στε-нает.

– И каков же срок?

– Не знаю. Проведём пока своё внутреннее расследование, копы тоже подкинут какую-нибудь инфу в СМИ, ты что-то постарайся вспомнить, я пороюсь в своих каналах. – Последняя фраза меня немного удивила. – Не смотри так, я – тот ещё проходимец, – теперь улыбка всё же сошла с моих губ.

За эту неделю Антон не сделал ни одной погрешностей, продумал все шаги и действия наперёд, не дал мне пасть духом и был лучшей поддержкой и опорой.

Я прислушивалась к его советам, пока через месяц не произошло то, что окончательно меня сломало.

УТРЕННЯЯ ТОШНОТА.

Глава 3. Незванный гость

АНТОН

Уже больше месяца я и Ольга жили под одной крышей, делили друг с другом пищу и даже постель. Девушка так же категорически отказывалась спать в одиночестве и засыпала только, когда утыкалась головой в моё тело. Каждый раз

старался проснуться раньше, чтобы миновать конфуз моей мужской природы. Конечно, Оля – не малолетка какая-то и в курсе этих утренних подъёмов у мужчин, но мне не хотелось, чтобы девушка это видела.

Сегодня морозное утро в корне отличалось от остальных. Из груди Ольги изошёл стон, и девушка стремглав помчалась к биотуалету. Звуки рвоты наполнили дом.

Обеспокоенно поднялся с кровати, завернулся в махровый халат и вышел в коридор.

– Оль?!

Она обнималась с унитазом, тяжело переводя дух и ожидая следующий позыв. Её фигура в одной ночнушке дрожала от холода – всё-таки вторая половина ноября – а очаг в печи за ночь давно прогорел, лишив дом части тепла. Вернулся в комнату за вторым халатом, чтобы накинуть ей на плечи.

Оля закрыла крышку биотуалета и села сверху. Вытерла тыльной стороной ладони губы, в тихом замешательстве погружаясь в себя. Оценивающе смотрел на неё, прикидывая в голове. Уё столь бурное и необычное пробуждение требовало объяснений, однако, исключив несколько вариантов и совместив очевидное, в голову просился лишь один жуткий вывод.

– Мы здесь больше месяца, но ни разу не покупали тебе тампонов, – прозвучало, как приговор.

Оля медленно доходила до моего предположения, сжимая ворот халата всё сильнее. Голова девушки неадекватно за-

тряслась, а зубы начали выбивать дробь, сквозь которую просочилась отчаянная мольба:

– Боже, пожалуйста, нет. Только не это... Умоляю, Боже!

– Оля, – присел рядом, тряхнул за плечи. – Отцом может быть Кирилл?

И к моему ужасу, девушка помотала головой. Но как? Муж и жена ведь.

– В последнее время, Кирилл не хотел детей, и после неудачного аборта оральные контрацептивы мне не подходили. Мы пользовались только презервативами.

Ладно, ладно... Обхватил голову руками, стараясь сохранить спокойствие, хоть у кого-то оно должно сейчас быть.

– Так, сначала купим тест, хорошо? Если подтвердится, будем уже двигаться от этого.

Оля затрясла головой и в тщетной надежде обняла меня за шею. Однако, диагнозу было суждено свершиться. Взглянув на полоску, девушка упала в обморок. Уложил бесчувственное тело на кровать, пытаясь вернуть в сознание. Сунул под нос ватный диск, смоченный нашатырём. Подействовало – девушка приоткрыла веки и мучительно повернулась на бок.

– Оль?

Слёзы бесшумно стекали по её щекам, а взгляд устремлён мимо меня.

– Оленька, – ласково гладил по волосам. – Принесу тебе воды.

Побежал в кухню, но пока возился с бутылками, услышал

из спальни дикий и яростный вопль. Бросился обратно. Оля, замурив глаза, со всей силы била себя кулаками по животу.

– Нет... Перестань! – Поймал за руки, едва увернувшись от мимолетных тычков. – Прекрати!

Припечатал к постели. Девушка взвыла и, отвернув лицо в сторону, безудержно зарыдала, обмякнув подо мной. Подобрал с кровати, прижал к себе, укачивая, как маленькую девочку, и позволяя выплеснуть наружу эмоции. Искать решения сейчас бесполезно.

Спустя некоторое время Оля стихла, а её взгляд снова приобрёл ту тень траура, когда девушку лишили всего.

– В больницу нельзя, Оль, – проронил я, – тебя тут же опознают. Давай сходим до соседки Нюры. Разузнаем... Где-то здесь должны быть знающие бабы, как выкурить плод из тебя.

Говоря всё это, был готов кинуться под поезд. Я не желал смерти малышу, он не виноват в том, кто его зачал, но я понимал, что выбор Ольги без вариантов. Она не может родить ублюдка от мерзавца, что изнасиловал её и убил всех родных. Я впервые согласен на такой вариант решения проблемы.

Но ближайшие два дня Оля с кровати так и не встала. Со мной девушка не говорила и кормить её приходилось из-под палки. На призывы к разуму она мало реагировала, но на лице пару раз ловил подобие ухмылки. Оля что-то задумала, но чем больше тянет, тем сложнее избавиться от плода.

Спустя ещё два дня сам пошёл на поиски повивальной бабки. Нашёл только в соседнем посёлке. Выслушав меня, знахарка сунула набор каких-то трав. Велела заваривать в чай и прийти к ней, как только появятся кровянистые выделения. Однако, вернувшись домой, обнаружил изменения – Оля сидела на уличной скамейке, укутавшись в плед и пила... Коньяк?!

– Вижу, что тебе лучше, – проронил я, присев рядом.

Девушка задумчиво покачала головой, глядя в небо, которое затянули серые облака. Сунул в её ладонь пакет с травами.

– Это должно помочь, уверяет знахарка.

Оля приняла свёрток, сжав в кулаке. Снова сделала глоток. Это неясное молчание выжимало из меня всё терпение, не выдержал и отнял у девушки кружку, залпом допив до конца. Оля без эмоций проследила за мной и огорошила новым неведомо откуда взявшимся решением:

– Я рожу его. Рожу, чтобы потом убить... Так же, как и та мразь убила моего. Пришлю конвертик к порогу его дома... – жуткая усмешка искривила острые черты лица.

Спица леденящего ужаса вонзилась в позвоночник. Устался на неё, неожиданно осознав, что в этой женщине больше нет той Оли – доброй, чуткой и ласковой. Сейчас это ходячая кукла, набитая местью, гневом и болью. И нет, это не оправдывает её.

– Оля, ты хочешь стать, как он? Убийцей?

Девушка, сцепив зубы, смотрела вдаль. Бледность кожи пугала, тонкие скрюченные от мороза пальцы лежали на подоле старой длинной юбки, подрагивая в нервном тике.

– Оль, не надо. Этот малыш не должен отвечать за поступки родителей. Тем более таким способом.

Глаза девушки блеснули дьявольской искрой сумасшествия.

– Да, не должен... Как и мой Саша не должен был.

Проглотил мешок доводов, вдруг поняв, что во всей этой ситуации она образумит себя только сама. Настойчиво повернул её к себе, взяв за лицо.

– Я всегда восхищался тобой, Оль. Во всех смыслах. Твоей лучезарности, открытости, справедливости. Как ты заботилась о своей семье, о доме и даже о подчинённых. Ты – очень добрый человек, прекрасная женщина и я уверен, что ты сможешь принять верное решение и не возьмёшь грех на душу. Ты – не убийца!

Отпустил, решительно поднимаясь со скамьи, и скрылся в недрах дома.

Решение Ольга приняла спустя пару дней, но опять не то, какое я не ждал от неё. Поужинав и докрасив оконные рамы, как всегда, направился в баню.

Просмолив и достроив предбанник, часто любил посидеть здесь один после парилки. Тут я мог подумать, расслабиться, побыть собой. Как ни крути, но в доме всегда ощущал невольное напряжение. Оля, конечно, не нарушала моё про-

странство, но её присутствие всегда вводило меня в какое-то уныние. Я опасался лишний раз пошутить, элементарно матюкнуться или громко что-то уронить. Понимал, что дело во мне. Солидарность с её трагедией и болью изводила сама по себе, но ничего не мог с этим поделать. Стоило Оле замаячить на горизонте, как сразу же робел и затихал. Но здесь всегда знал, что буду один – тут моя территория.

Дверь предбанника резко открылась, и я едва успел прикрыться покрывалом. На пороге стояла она.

– Что такое, Оль? – обеспокоенно спросил, переместившись на край тахты.

Она в пару шагов оказалась возле меня на максимально близком расстоянии. Немного отклонился, откидываясь на лежаке и глядя в её глаза. Оля сильно дрожала, разглядывая моё полуобнаженное тело, оценивала, но не восхищалась. Сделала пару вдохов и неожиданно залезла на меня сверху.

– Оля... Ты чего? – опешил я.

Тут же попытался снять её с себя чтобы уйти, но Ольга наклонилась и, поцеловав за ухом, быстро зашептала:

– Я хочу думать, что он от тебя, – это желание обезоружило, а после – возмутило.

– Оля, нет!

Обхватил за талию, намереваясь оттолкнуть, но в этом хрупком теле откуда-то появилась сталь. Девушка капканом стиснула мою голову и яростно впилась в губы. Раньше я не смел себе такого и представить, и чёртово тело начало дик-

товать свои желания. Женская фигура возбуждающе тёрлась об меня, парализуя разрядами тока.

Она сошла с ума! Из последних сил похоронив свои инстинкты, сгрёб Ольгу в охапку и, сбросив с себя, вскочил на ноги, едва не забыв про покрывало.

– Я сказал НЕТ! – сурово рявкнул на неё. – Ты не в себе! Этого не будет!

Оля затравленно взирала на меня, дрожа всем телом. Внутри всё тут же сжалось при виде этих глаз. Обижать девушку не хотелось, но я твёрдо знал, что Оля совершает не только ошибку, но и просто хочет использовать меня.

– Господи, Оля, да что с тобой?

– Что со мной?! – эхом повторила она. – И правда, что?! Почему я не могу уснуть одна? Почему хочу секса с тобой? Почему же, чёрт возьми?! – поднялась и посмотрела на меня в упор. – Потому что слышу его каждую ночь, чувствую его руки на себе каждую секунду, ощущаю, как он всё ещё двигается во мне, терзает и мучает каждую ночь. Моё чертово тело до сих пор ЕГО. И я теперь сумка для его выродка. Эта мразь убила моего мужа и сына и заменила собой и своим ничтожеством, – её голос перешёл в фальцет, а в глазах стояли слезы.

Уже ненавидел себя за то, что не пожелал дать ей того, что она просит.

– Прости, – только и смог молвить.

– К черту! – рявкнула она и выбежала из бани.

– Ольга!

Быстро натянул на себя брюки и толстовку и поспешил за ней.

– Оля, – влетел в дом, но девушки там не оказалось. – Оля!

Снова выскочил во двор, за калитку – никого. Опустил глаза на землю. На позёмке мелкой снежной пороши определил следы. Чёрт! Вернулся в дом, схватил куртку и переобулся. На улице смеркалось с каждой секундой – в ноябре дни стремительно проносились мимо, сменяясь ночью. Морозный воздух щипал щёки и всё ещё мокрую голову.

– Ольга!

И куда же нелегкая тебя понесла? Прихватил фонарик. Дорожка следов уводила в лес. Нет, Оленька, одумайся, не глупи. В очередной раз сотряс зовом лесную чашу. Ну пожалуйста, откликнись! Пара сломанных веток задали направление. Посветил под ноги – ни черта не понять. Жаль, уроки охоты от деда в своё время воспринимал без энтузиазма.

– Оля, пожалуйста... Ольга!

Шевеление где-то в кустах. Направил луч туда, уловив в свете рыжую копну. Слава Богу! Оля лежала на ледяной земле, свернувшись в клубок. Видимо, запнулась о корягу и так и осталась лежать. Зубы выстукивали дробь.

– Чумная, – мягко проронил я.

Завернул в куртку и, подняв на ноги, настойчиво повёл обратно в дом. Усадил у печки. Подкинул дров. Включил чайник.

– Оль? – присел рядом и принялся растирать девушке плечи и спину. – Не делай так больше, хорошо? – чмокнул в лоб и в холодные ладони.

Она громко выдохнула, просто обняв меня, снова заплакала.

– Тш-ш, – гладил по голове. – Я – дурак... Прости меня... Прости, ладно?

Заварил беглянке чай с ромашкой, блюдя за тем, чтобы выпила. Отвёл в спальню и вновь уснул, как маленькую, в своих объятиях.

Проснулся от её очередной утренней тошноты. Биотуалет теперь предусмотрительно оставлял в комнате, чтобы Оля не мёрзла в коридоре.

На улице солнце ещё только вставало, потому просто выше натянул на себя одеяло, заткнув уши. Сон хотелось ещё досмотреть...

Резкий испуганный вскрик девушки мигом выгнал его вон:

– Антон! Кто-то во дворе! Кто-то залез к нам!

Она судорожно вцепилась в меня. Незамедлительно поднялся, одевшись, и вооружился кочергой.

– Будь тут...

Устремился во двор. Дверь в баню оказалась открыта, хотя всегда закрывал, чтобы не заморозить печь. Направился туда, крепче сжимая оружие в руке. Сделав пару вдохов, влетел в предбанник. Огромная, тёмная и бородатая в лохмо-

тнях фигура испуганно взмыла руки вверх и просела к полу. Это обычный бездомный, которых в этом районе предостаточно. А заброшки – лучшее место для ночлега. Видимо, он выспался тут сегодня ночью.

– Мужик... Мужик, тихо ты! – просипел громила.

– Чего забыл здесь?

– Не бей. Я уйду ща... Думал, нет тут никого, – блеял бомж, трясая инеем на своей бороде.

– Ага, думал он... Давай, проваливай! – указал ему на дверь.

Бомж понуро подобрался и прошествовал к выходу. Я, пожалуй, тебя провожу. Мужик дошёл до половины двора и хмуρο обернулся:

– Ведь ты тоже пришлый. Тебя тут не было раньше.

Да, он мне определенно не нравится.

– Тебе сказано, проваливай! – прорычал я, пихнув его в плечо кочергой.

Мужик был не из тех, от кого можно без проблем избавиться. Он резко выбил из моих руку оружие и горой двинулся на меня.

– Это и моё место! – оскалился гнилыми зубами и навалился.

Одолеть этого борова будет не так просто, но я сумел скинуть его с себя пинком под рёбра. Пока поднимался, бомж кинулся мне в ноги и, приподняв, втесал спиной в стену дома. Сука!

Считая птиц в глазах, локтем заехал ему по хребту, но тонну телогреек пробить почти невозможно. Мужик швырнул меня на землю и с силой наступил громоздким сапогом на плечо, спустившись к горлу. Отчаянно задержался под ним, ногами пытаюсь отпнуть от себя. Голова словно набухла.

Тут фигура громилы резко покачнулась, хрюкнув. Из рта брызнула кровь. Давление сапога ослабло.

Вернувшийся в гортань воздух разодрал глотку диким кашлем. Краем глаза вижу Олю в одной ночнушке и слышу, как мужик валится на землю. Обернулся на него – бомж лежит ничком, а в его затылок утоплено лезвие топора по самый обух. Блядь! Подавил тошноту, в шоке глядя на девушку. Глаза Оли источали твёрдую ярость. Она сейчас словно расправилась не с несчастным бомжом, а с убийцей своей семьи.

– Чёрт тебя дерит... Оля! – кинулся к мужику и зачем-то проверил пульс. Конечно же мёртв. – Твою мать! – схватился за волосы, лихорадочно соображая. – Это был всего лишь бомж. Просто забрёл сюда по-старинке. Господи!

Девушка лишь молча смотрела то на него, то на меня. Бледность её лица неожиданно навела на жуткую мысль – эта женщина уже давно потеряла в себе всё человеческое, остались лишь инстинкты. Может, отчасти и моя вина? Ладно, решим сначала одну проблему.

– Иди в дом. Я разберусь, – велел ей.

Оля послушно скрылась.

– Прости, приятель, – и выдернул из мертвеца топор.

Вернулся я лишь через пару часов, в поту и взвинченный. Закопал бедолагу в лесу, так как другого решения для этой жуткой ситуации не видел. Зайдя в дом, кинул на пол лопату и окровавленный тулуп. Глянул на неё. Девушка сосредоточенно смерила меня взглядом.

– Оля, ты хоть осознаёшь, что ты натворила?

– Он чуть не убил тебя.

Походу не осознает. Я потёр веки. Учить её уму-разуму – нет смысла. Тяжело убедить раненого зверя не бояться охотника.

– Пожалуйста, прежде чем... – произнести это слово не смог. – Просто разберись сначала, ладно?

Смотрит на меня, как на идиота. Может, так оно и есть? Ладно, что сделано, то сделано.

– Я приготовила завтрак, – в тот же миг дежурно произнесла девушка, направляясь к кухне.

А смогу ли? Теперь в рот ничего не лезло. Сунул в себя лишь несколько ложек, поблагодарил и встал из-за стола. Разговор не получится, да и нет в нём смысла. Ушёл во двор. Нужно чем-то себя занять. Осмотрелся. Как бомж мог забраться сюда? Здесь, наверное, полно таких шныряет, возможно, даже и беглые эки. Повторений этого дня больше не хотелось. Решил обследовать забор. Лазеек насчитал штук семь, да и ещё повалившийся забор за сараем. Ладно, испра-

ВИМ.

Пока работал, из головы не выходила Ольга. За всё это время я ни разу не попробовал встать на её место.

ДА, я когда-то потерял родителей. Больно, горько, но со временем понял, что — "время и случай" — и винить тут некого. А она? Изнасиловали, жестоко убили мужа, не пощадили маленького сына, расправились со всем домом, подожгли. Виновные скрылись. За что? Вопрос так и повис в воздухе, мучая её своим звоном. До кучи ещё теперь и беременность, которая просто добивает несчастную. А рядом я, непонятная субстанция, служащий и грелка в постели. Ей нужен мужчина, оплот, забота. Тот, что вернёт Олю к жизни, сделает снова женщиной, даст второй шанс на существование.

Со всей силы сбил с забора гнилую деревяшку. Что меня останавливает? Её телесная травма? Я ей нужен и уже во всех смыслах. Может, именно мне суждено дать девушке новую жизнь? Собственно, что я могу дать? Нет, Тоха, опять твои комплексы! Прибил свежую доску. Дерево ещё светлое, гладкое и не прогнившее, оно более прочное и надёжное. Новое.

Закончил править забор уже затемно, ополоснувшись в бане, вошёл домой. Пахло вкусно. Соки забурлили в желудке. Оля уже разливала чай и накрывала на стол. Наблюдая за ней, понимал, что привык к её еде, к тому, как она заботливо обслуживает меня за столом, следит за чистотой дома. Она без возражений сама приняла эту роль и ни разу не оплошала и не воспротивилась. Да, я благодарен, говорю "спасибо",

латаю дом, делаю немалую мужскую работу. У нас у каждого свой фронт. Мы словно не живём, а просто работаем каждый в своём цехе. День за днём. Как коллеги. Но она женщина, прекрасная, хрупкая и нежная, и ей нужен тот, кто будет напоминать об этом.

Оля начала собирать грязную посуду со стола.

– Я помогу, – забрал у неё тарелки.

– Ты и так устал за сегодня, – покачала она головой. –

Отдыхай, я справлюсь.

– Давай вместе, – слегка улыбнулся. – Ты моешь, а я высушиваю.

Она робко усмехнулась, но сдалась. Пока прибирали кухню, вспомнил несколько забавных историй с нашей кухаркой Светой. Смеялись от души, пока печаль снова не накрыла тишиной.

– Я так скучаю по ним, – проронила Ольга, опустив голову.

– И я, – обнял в ответ и прижал к себе. Её руки обвили меня за талию. – Пойдём спать?

Кивок. В этот раз лёг раньше неё. Пятно идеально круглой луны смотрело в окно, наполняя комнату бледно-голубым свечением и слепя даже сквозь веки.

Тень девушки замерла у окна. Она долго и пристально всматривалась в небесные светила, затем услышал её тихую молитву. "Аминь" – вторил ей сердцем.

Оля тихонько легла рядом, повернулась, как всегда, на-

мереваясь уткнуться в меня носом, но вздрогнула от моего пристального взгляда.

– Думала, уже спишь, – и перевела дух.

– Я хочу попробовать, – проронил я и нежно скользнул ладонью по её щеке, шее, плечу.

Смотрел в глаза, ожидая согласия. Дрожь прошла по её телу, передаваясь мне. Сглотнула. Медленно склонился к губам, слегка коснувшись. Совсем по-детски, невесомо.

– Остановлюсь сразу, как попросишь, – она должна знать.

В ответ девушка коснулась ладонью моей щеки, позволив утопить её во втором поцелуе, в который вложил всё своё искреннее и когда-то безответное чувство. Душа, робко покоящаяся под рёбрами вдруг начала восставать, распускаясь жарким теплом по всему телу. Сминал желанные изгибы, даря свою ласку и поцелуи буквально каждому миллиметру на её коже. Чувствуя как Ольга поддается и раскрывается подо мной, осознал, что я именно тот, кто может не только греть постель этой раненой женщине, но и вполне способен вновь вернуть к жизни. К жизни, но уже со мной.

– Лучше тебя быть не может, – молвил я, крепче сжав уставшее, но удовлетворенное от моих ласк тело.

На кончике языка сильно засвербило от желания сказать слова, вдруг ставшие мне так близки и осязаемы, но не сейчас... Этой эмоции и откровению пока нет места в душе Ольги Бранга.

Глава 4. Тварь

ОЛЬГА

Стало ли мне легче? Думаю, да. Раны не ушли, но больше не гноились. Антон раскрепостился, не скупился на приятные слова и даже пытался баловать. Я почти полностью стала уверена, что он влюблен, но, увы, ответить ему тем же не хотела и не могла. Нечем больше любить. Моё сердце не только убили, но и превратили в пепелище.

За окнами начинала править весна, и у мужчины работы в доме значительно прибавилось. За период нашего проживания здесь, Антон организовал немало удобств. Установил насос для подачи воды из колодца в дом, оснастил бойлером. Позже приволок откуда-то старенькую стиральную машину и так же подвёл её к трубам. Сейчас он всецело занимался кладовой комнатой, в которую до этого был свален всякий хлам и инвентарь. Антон хотел переоборудовать её в детскую, к чему я питала полнейшее безразличие или, скорее, даже отвращение.

Мужчина много раз пытался завести со мной разговор о будущем ребенка, что рос во мне, но я сурово обрывала всё на корню, а, когда плод впервые толкнул изнутри, я в праведном гневе сцепила зубы. Энтузиазм Антона только нервировал и напрягал наше сосуществование.

– Зачем это всё, Тош? – проронила я, наблюдая, как он прорубает в стене проём для нового окна.

– С окном больше воздуха и гораздо светлей.

– Я не об этом.

– А я об этом, – прыгнул со стремянки и разогнулся, сняв рабочие перчатки. – Я был готов поддержать тебя – аборт, вытравить – но ты отказалась. Я готовился ко всему, когда малыш был абстрактен. Теперь же он – живое существо и, как бы ты его ни ненавидела, я не позволю тебе причинить ему вред. Убийцей ты не будешь.

– Тогда припомни того, кого ты закопал в лесу, – зло процедила в ответ и стремительно ушла от него в кухню.

Невольно в памяти всплывали дни, когда была беременна Сашей. Период предвкушения материнства, поездки по магазинам, кроватка, пелёнки, распашонки, игрушки. Счастье, радость, эйфория. А сейчас? В сердце царапались кошки, а внутри уже пинался выродок своего отца, присутствие которого будто отравляло моё нутро ядом и гноем.

– Сегодня съезжу в город. Нужно кое-что докупить.

– Я поеду с тобой.

– Ты уверена? – посмотрел на мой проклятый живот.

– Ещё пара месяцев, и я вообще не смогу дальше этого посёлка сдвинуться. Так что, в город мы едем вместе, – твёрдо подчеркнула я, поднимаясь с дивана.

– Как скажешь, – покорно улыбнулся мужчина и чмокнул в губы. – Собирайся тогда.

В городе смогла немного отвлечься от серости быта в избе. Рекламные щиты, модно разодетые женщины, витрины.

Всё начинало просыпаться, пахнуть весной, зарождаться новой жизнью. На сердце тоскливо потеплело. Посмотрела на Антона и прильнула к нему, обняв за талию и пытаясь ощутить то чувство беззаботности и счастья, что всегда ощущала в это время года. Моё любимое время года.

– Не голодна? – ласково провёл ладонью по спине.

– Пока нет, – наличие его чувств ко мне всё же слегка оживляли.

Сердце благодарило за эти знаки внимания, но всё мгновенно улетучилось, когда Антон завёл меня в детский отдел. Тут же выросла в пол.

– Оль? – нахмурился мужчина, ощутив камень в моём теле.

Нет! Решительно развернулась и ушла прочь из секции. За мной он не пошёл. Ну и пусть! Вышла из супермаркета и уселась за столик в фуд-зоне. Телевизор за спиной бариста в одном из заведений привлёк моё внимание.

– Именно сегодня генеральный директор компании "Ситикорп", – вещала диктор местного телеканала, – Леонид Корпалёв выдвинул на свой пост известного предпринимателя Игоря Лесина. Напомним, эту почётную должность Корпалёв прочил когда-то Кириллу Анатольевичу Бранга, но страшная трагедия в семье крупного бизнесмена поменяла планы известной московской компании...

Дальнейшее до меня доходило с трудом. В памяти неожиданно всплыл телефонный разговор мужа. Помнится, Игорь

Лесин был отстранён за дачу взятки должностному лицу и с треском отправлен на скамью запасных, а сейчас этот мошенник вдруг не только вернулся, но и ещё стал заместителем генерального директора компании?! Чудеса, да и только!

Подскочила от неожиданности, когда Антон приземлился на стул рядом. Огромная коробка гроыхнула об ножку стола на весь торговый центр, разнесся эхо по территории.

– Это что? Кроватка?! – мгновенно забыла о Лесине.

– Именно.

Кивок Антона, и мне захотелось вцепиться в его лицо ногтями. Выдохнула. Чёрт с этим!

– Слушала новости, – сообщила, переведя дух. – "Сити-корп" назначил нового замдиректора вместо Кирилла.

Антон вопросительно поднял на меня взгляд.

– Игорь Лесин, – и тут же прояснила ему историю своего прошлогоднего шпионажа за мужем.

– Дача взятки – преступление довольно серьёзное. Здесь лишь бы не слететь вообще с поста, а тут аж в замдиректора отправили. Браво! Прямо везунчик. Думаешь, нечист и покрупнее взяточничества?

– На рожу, скользкий тип, – повела плечами, отчего Тоша усмехнулся.

– На рожу и я не Ален Делон, и это ни о чём не говорит, Оль.

– Я знаю, – процедила раздраженно, понимая, что просто бросилась голым фактом. – Мокрушник или нет – точно сей-

час не поймём, но то, что нечист – налицо.

– Ладно, проверим, – сдался Антон, снова вызвав во мне противоречие.

– Антон, скажи правду, – поймала его за ладонь.

– Какую ещё правду?

– Кто-то знает о нас? Ты общаешься с кем-то?

– Не выдумывай, – выдернул руку из моей и поднялся.

– Тош, я же верю тебе, – взмолилась я.

– И правильно делаешь, – в ответ притянул меня к себе, поднимая, и решительно поцеловал. – Поехали домой.

Ночью уснуть уже не могла, тогда как Антон пресладко сопел. Устав ворочаться в постели, встала и прошла на кухню. стакан воды слегка перенастроил натянутые мысли.

Антон же мог запросто уйти. Его бы помучили, но оправдали, однако, он почему-то остался со мной. Взял на себя моё бремя, даже большую часть. А что я дала ему взамен? Только тело. Бездушное, мёртвое, пустое. Невольно посмотрела на бывшую кладовую. Зашла туда.

Он уже сделал выключатель. Жёлтые стены. Стеллаж на всю высоту комнаты. Окно. Коробка с кроватью в углу. Дух ребёнка витал в воздухе – забытый, приятный, но ненавистный, чужой и гнилой. Антон хочет этого малыша. Ждёт его! Как мой предатель или просто чёртова гуманность? Но имею ли я право звать его предателем, ведь держа Антона возле себя, лишила взрослого мужчину будущего – стать чьим-то мужем, отцом. Выродок внутри меня стал для него заменой

всего этого. Оля, как же ты могла?! Ты погубила ещё одну жизнь. Забрала его будущее, мечты и заменила своей бедой, своим проклятием.

Упала в кресло, поджав ноги к груди. Я, похоже, отравляю всё сущее вокруг себя. Слезы прямым потоком устремились по щекам. Утонув в тяжёлых мыслях, так и осталась в таком положении до утра.

– Эй? – по щеке и волосам гуляла мозолистая ладонь.

Распахнула веки. Антон ласково смотрел на меня. Ком сдавил горло, и я обняла его.

– Ты чего тут? – добрый смех. – Вроде, держал крепко, – осмотрел, анализируя. – Новости не выходят из головы?

Кивнула. Пусть вру.

– Разберёмся, – поцеловал в лоб и выдохнул, меняя тему. – Сегодня завтрак с меня.

Антоша стартанул на кухню. Повар из него никудышный, но я в фальшивом восторге досолила глазунью и тосты. Помидоры, к счастью, испортить он не смог. Как попросить его заниматься только домом? К счастью, мужчина оказался проницательным.

– Уроки Светы я всё же освоил плохо, – скривившись, смотрел на меня.

Не сдержавшись, кивнула и виновато засмеялась. Притянула мужчину к себе и нежно чмокнула в щёку.

– Давай вместе, – и потянула из-за стола за руку. – Бери чашку. Сковороду надо сперва раскалить.

– Раскалить?!

Антон смешливо округлил глаза.

– Врёшь ты всё, – смеясь, толкнула Антона в плечо. – Это же холостяцкая еда. Ты просто обязан знать!

Антон захохотал и, схватив меня в охапку, поднял над собой. Закружил.

– Тоша!

Дух перехватило. Поставил обратно на пол. Притянул к себе и жадно поцеловал. Дубль два вышел более сносным, но в тарелку всё же умудрилась попасть скорлупа.

– Кальций, – парировал он, громко хрустнув.

Схватила за голову и, качая, искренне улыбалась.

– Люблю, когда ты смеёшься, – вдруг проронил он, смотря так ласково и любяще.

Боже, снова этот взгляд. Нет! Потупила взор, стараясь не смотреть в его нежно-зелёные, почти золотистые глаза.

Рожать в больнице противопоказано, ведь Ольга Бранга – в розыске. Антон наплёл соседским бабулькам, что мы за естественные роды без больниц и прочей ерунды. Повивальная бабка Рита раза три приняла меня в своём доме. Пальпировала и слушала живот. Как же это далеко от специализированных клиник. И хорошо! Пятьдесят процентов, а может, и выше, что этот выродок или я умрём при родах.

Близ срока Антон изрядно нервничал. Прочёл всё о родах на дому, в воде и прочую ахинею сумасшедших мозгов других мамочек. Знал бы мужчина о чём думала я, то мгновенно

но бы выбил эту дурь из моей головы.

Умру либо я, либо ребёнок! Это был мой настрой, беззвучная молитва Всевышнему. Меня устраивали все расклады, кроме одного – если мы оба выживем. И я знала, Антон будет бороться именно за последнее.

Детская постепенно приобретала милейший вид. Мы не могли знать пол ребёнка, только дедовские методы повитухи говорили, что это девочка. Как же мне хотелось раньше девочку! Уйма платьев всех цветов и фасонов, тонна игрушек милых и плюшевых – от кукол до огромных медведей. Мечтала заплетать в косы детские волосики. А когда подрастёт – обсуждать её кавалеров, успокаивать, глядя по голове, если встретит подлеца или неразделённую любовь. Просто иметь подругу, которую любишь больше жизни, но вместо неё во мне росла сущность, которую я никогда не смогу не то, что полюбить, но и просто принять.

Головка ребёнка уже упиралась в лобковую часть. Бабка Рита убеждала, что скоро начнутся роды и призывала готовиться и быть внимательными. Пару дней назад вышла пробка. Антон боялся далеко отходить от меня, просил даже повитуху пожить у нас, но я и бабка Рита успокаивали его, что схватки быстрее, чем два часа не бывают. Я – не первородящая, поэтому родоразрешиться могла быстро. Предлежание плода было правильным и в любой щелчок пальцев он мог соизволить появиться на свет.

Детская полностью готова – кроватка, пеленальный сто-

лик, одежда, пелёнки, игрушки и прочая косметическая ерунда. Антон даже поставил туда кушетку для взрослого. Боже, он и правда желает быть отцом!

– Ты хочешь воспитать его?! – однажды воскликнула я, лёжа с мужчиной в постели.

– Кто-то должен, – жестоко молвил он. Я отстранилась. – Оля, а чего ты ждала? Что я позволю тебе расправиться с ним? Как ты себе это представляешь? По-твоему, кто я? – Сцепила губы, не рискуя сейчас воспротивиться ему. – Оля, я сделаю всё, чтобы изловить ту мразь, что погубила наши жизни, но не смей скидывать всю свою ненависть на беззащитного дитя. Это гнусно. Ребёнок ни в чем не виноват.

Тогда я выгнала его из нашей постели на эту чёртову кушетку в детской. Слова Антона изрезали сердце вдоль и поперёк. Изрешетили. Убили. Раздавили. Он никогда не сможет меня понять. Ему неведома вся эта боль.

В итоге, проплакала всю ночь, а под утро жуткая боль протекла от основания поясницы ко дну живота. Оттянула внутреннюю часть бедра, усиливаясь до середины копчика, и ушла в моё нутро, отпустив.

В страхе встала. Пока доползла до детской, залила коридор околоплодными водами.

– Антон?! Антоша!

Вскочил спросонья, не понимая, что происходит.

– Началось... Тош, началось, – голос в страхе срывался.

Мужчина в панике сгрёб меня в охапку и, подняв на руки,

отнёс обратно на кровать.

— Я за повитухой. Ты же побудешь одна, да? Я очень быстро...

Постаралась дать ему надежду и успокоить.

— Иди, всё хорошо. Я справлюсь.

Антон страстно поцеловал в губы.

— Я люблю тебя.

Вздрогнула. Нет, только не это! Но он был счастлив, словно это его чадо появится сейчас на свет. Мужчина бросился за порог.

Спазм схватки парализовал, растирая меня по постели. Я совсем забыла, как это больно, но в этот раз всё более быстрее, стремительней. Время перерастало в вечность. Упала на пол. Дерево половиц, будто забрало мою энергию и боль, но новая схватка заставила вскричать громче. Боль убила мысли и разъярила мозг. Со всей дури начала биться руками об пол. Вылезай, вылезай! Иди из меня к чёрту! Разорвала новым криком воздух. Водопад слёз, испарины и жара, сводил с ума разум и тело.

Амниотическая жижа, смешиваясь с кровью, потекла ручьём по полу.

Мы оба умрём?! Так и надо! Я хочу этого! Силы начали уходить. Боль там, где-то ниже бёдер. Хочу в туалет. Давит на копчик. Потуга. Слёзы. Крик. Отдышалась. Ребёнок уже шёл. Новая потуга. Снова мой крик разорвал воздух, сознание и душу.

Ноги врозь. Согнула их в коленях, тщетно пытаясь встать. Я помню, как ты выходишь. Ещё помню. Тазовые кости, словно наизнанку, тело – плед.

Резкое облегчение. Гул в ушах. Схватки остановились. Посмотрела под ноги. Кусок мокрого кровавистого мяса. Бездвижен. Пуповина пульсирует. Он сейчас умрёт?! Прощу, умри! Пожалуйста, умри!

– Оля?! – но мужской крик от дверей, вызвал жгучую досаду. – Оленька... Мы уже тут. Тут! Всё хорошо. Потерпи, моя хорошая.

Антон пал возле моей головы, подобрал с полу, уложив к себе на колени. Повитуха замаячила в ногах.

– Он умер? – я жаждала знать.

Цирк непонятных и ненужных мне действий. Бабка Рита крутила сморщенное чудовище в руках. Шлёпнула его по попе. Ребёнок хлопнул и раздался обиженным громким плачем.

Живой...

Нет! Замолчи! Замолчи! Заглохни!

– Уберите его. Уберите! – взмолилась, закрывая ладонями уши.

– Это девочка, – слышала голос повитухи, которая уже протягивала комок мне.

– Убери её от меня... Забери!

Сознание проваливалось. Ересь картин в голове мучали паникой. Истошный плач ребёнка эхом уходил в сознание.

Он – живой. Живой. А я?

– Оленька... Ты – умничка, – голос Антона.

Мужчина протянул руки к бабке Рите и взял малышку на руки. Картина расплывалась в туман. Чудовищная усталость. Тело пустой субстанцией растеклось по полу. Повитуха что-то делала там, копошась между моих ног. Всё атрофировалось.

Вдруг ощутила на себе склизкий и тёплый комок. Антон приложил ребёнка к моей груди. Малышка закричала, рыща на теле. Пискнула. Боль, скорбь и ненависть взорвали во мне остатки былой отваги.

– Убери её! Убери эту тварь! – неистово заорала не своим голосом.

Забилась на полу в паническом срыве, и картинка оборвалась.

Глава 5. Старый друг

ОЛЬГА

Снова закрылась. За эти три месяца я ни разу не приоткрылась к ребёнку – кормления, пеленания, укачивания – этим всем занимался только Антон. Его поползновения хоть немного свести меня с этим существом терпели крах. Я не заходила в детскую, не реагировала на бесконечный ночной плач младенца, даже не давала советы, как ухаживать за ней.

Я верила, что Антон рано или поздно психанет и отдаст выродка в приют или ещё куда, но до сих пор этого так и не дождалась. Месяц ошибок и нервотрёпки, и мужчина сумел

найти к новорождённому подход. Что ж, пусть мучается тогда с ним сам.

Первоначальная задумка о мести периодически зарождалась в голове, интерпретируя свои жуткие мысли, как праведный гнев. Зуб за зуб – самое святое оправдание для возмездия.

Однажды, когда Антоша уложил её и ушёл во двор, решила заглянуть в кроватку. Рыжие волосики прямо, как у меня. Пухлые щёчки, милые голубые глазки. Милые? Пфф! Он зовёт тебя Аней, а мою дочь звали бы Даша. Ты – не моя дочь. Ты – моё истинное проклятие, наказание, жуткое напоминание о той мрази, которая забрала мою жизнь, о той ночи, где я навсегда потеряла самое дорогое в своей жизни. Его нет! Но ты отчего-то до сих пор жива, дышишь моим воздухом, спишь в этой чистенькой кроватке и орешь почём зря, тогда как я оставила своего единственного сына там среди горящих стен, среди жестокости и несправедливости, среди нашей растоптанной жизни. Оставила... одного.

– Ты могла бы заварить чай? – вздрогнула от голоса Антона за спиной.

Мужчина смотрел скептически и сосредоточенно. Застукал. Думаешь, что во мне материнские чувства проснулись?! Ошибаешься.

– Хорошо, – кивнула я, уходя на кухню.

Поставила чайник. Села за стол. На глаза попался нож, как раз тот, которым разделяваю мясо. Он острый, громоздкий.

Металл крепок и надёжен. Потянула к нему руку, но резко убрала, испугавшись щелчка электрочайника. Разлив напиток по кружкам, пригласила Антона.

– Я могу тебя попросить? – он окинул меня сосредоточенным взглядом, ставя пустую кружку в раковину. Осеклась.

– Мне нужно в город. Ты только присмотри за Аней, и всё. – Моя голова снова отрицательно затряслась. – Пожалуйста, ради меня! Я не прошу нянчить её... Просто пригляди.

Просто? Ради тебя? Зараза!

– Приезжай побыстрей, – буркнула я, отпивая горячую жидкость.

И он уехал. Около трёх часов малышка крепко спала, позволяя мне заниматься домом, готовить ужин, но позже до моего слуха дошли звуки её кряхтения и попискивание. Нет, я не зайду туда. Даже не шелохнусь. Пусть лежит и сама себя развлекает. Однако, нож в моей руке обжёг ладонь. Сглотнула, отбросив мысли об этом куске человеческого мяса, и продолжила нарезку салата. Спустя некоторое время из детской комнаты раздался обиженный плач. Нет, заткнись, заткнись, ради всего святого, заткнись! Постаралась оглохнуть, но зов ребёнка становился всё громче и требовательней.

Закончив готовку, собрала со стола инвентарь, помыла разделочные доски, эмалированную миску и нож. Широкое лезвие блеснуло в солнечных бликах.

Рёв отродья за стеной перерос в надрывное гоготание. Ко-

гда ребёнок долго плачет, может образоваться пупочная грыжа. Этим меня пугала подруга когда-то, потому я всё время крутилась возле Саши, не давая ему плакать. Но плач ушёл в хныканье и затих. Выдохнула, желая вернуться к своему быту, но тишина зарождала иррациональное любопытство. Решилась. Дошла до детской и прислушалась – кряхтение и разочарованное погукивание. Шагнула к кровати. Пара секунд, и взору открылось её личико. Девочка мгновенно заметила меня и заскулила. Синие глаза выдают её истинного отца. Голова невольно дёрнулась. Если бы они хоть чуть-чуть были такие же зелёные, как у Антона, то могла бы и представить, что этот ублюдок от моего сожителя. Но нет! Она его дочь! Его будущая копия.

Руки сжались в кулаки. В правой что-то. Опустила взгляд – нож. Тот самый, громоздкий и острый. Согнула руку в локте, разглядывая блеск лезвия.

Гуканье. Существо смотрело на холодное оружие вместе со мной. Глаза малышки слегка косили, и она дёргала, пританцовывая, ножками, словно радуясь, что к ней наконец пришли.

Один сильный удар, и я заберу у тебя жизнь. Просто ударить. Ладонь сильнее сжала рукоять и перестроилась в район грудной клетки ребёнка. Всего лишь резко опустить в плоть, утопить в ней острие. За Сашу... Сейчас.

Рука застыла над младенцем, вперёд не могу, назад – нельзя. Давай же!

Девочка смотрела на меня и неожиданно улыбнулась. Улыбка как у Саши, волосики как у меня, но глаза убийцы. Я зажмурилась и, дико закричав, резко воткнула нож...

Измена траектории, и лезвие пробило матрас совсем рядом с младенцем, слегка полоснув малыша по ручке. Девочка, распознав боль, взревела, а я вместе с ней.

Я не могу! Не могу убить эту тварь! Не могу... Выдернула нож из матраса и швырнула в досаде на пол. В ярости пнула кроватку от себя, окончательно напугав младенца и утопив в истерике.

Устремилась прочь из детской, но чётко угодила в широкую грудь своего любовника.

– Оля?! – непонимающе посмотрел на моё перекошенное лицо и заглянул за спину.

Да, он сейчас видит нож на полу. Даже не поднимая головы, чтобы посмотреть, как свирепеет лицо мужчины. Схватил одной рукой за волосы, больно сжав их в кулаке на затылке, второй – за подбородок, сталью пленив челюсть. Максимально приблизил к себе так, что пришлось встать на носочки.

– Я люблю тебя, Оля... Но, блядь, клянусь, придушу этими же руками, если навредишь Ане. Ты поняла? Сам лично прикончу! Будь уверена!

Мне не было страшно от его слов, не ощутила даже обиды. Я злилась. Злилась на саму себя, на свою чёртову слабость. Что произошло со мной?! Ведь мне так хотелось этого рань-

ше. Я мечтала увидеть, как она умрёт. Мечтала смотреть в лицо её отца, когда он получит от меня этот подарок с ножом в груди. Что случилось?! Весь смысл этой беременности сошёл на "нет". Я – не детоубийца!

Гневные проклятия мужчины летели мне в лицо. Ни черта ты не поймёшь, идиот, каково мне! Вслух лишь зарычала и со всей дури начала колошматить его по груди, лицу, рукам, пока, отстраняясь, не выпустил меня из своей стальной хватки. Обогнула, толкнув в сторону, и выбежала прочь из дома.

АНТОН

Я не говорил главного – Ольге это пока не нужно. Нет смысла каждый раз ковырять раны догадками и предположениями.

В городе у меня была назначена встреча с человеком, который согласился стать нашими глазами и ушами. Ната Клевакина – мой хороший друг ещё с колледжа. Именно она порекомендовала меня Кириллу, когда тому срочно нужен был новый шофёр. Тогда я испытывал финансовые трудности и решил не артачиться, но, попав в дом Бранга, захотел остаться там окончательно.

Натаха сразу же раскусила мой немалый интерес к хозяйке дома и просто искренне сочувствовала, заведомо зная, что я не возьму чужого, а Оля не предаст мужа. От того и абсолютно рьяно раскритиковала версию полицейских. Любовники? Не смешите!

Когда впервые вышел с подругой на связь, поведал истин-

ную версию произошедшего, и Наташа не смогла остаться равнодушной к беде Оли.

Вся наша дедуктивная деятельность проходила в телефонном режиме, но в этот раз Ната вдруг потребовала личной встречи. Для подстраховки я выбрал другой город, подальше от того, в котором мы обычно бывали с Олей. Нет, я доверял Нате, но в нашем случае важна максимальная осторожность, потому что вплёл в эту историю третье лицо. В историю, где убивают всех без разбора.

Подругу не заметить было сложно. В конспирации она полный двоечник: длинные дреды, брюки цвета хаки, берцы, леопардовый топ и поверх косуха. О количестве татух лучше промолчу. Поражаюсь, как ей удастся подбирать себе гардероб для работы в офисе. Вот и сейчас я без труда выловил в толпе кричащий силуэт.

Встретиться договорились на рынке – лучшее место для того, чтобы спрятаться. Увидев меня в толпе, девушка радостно кинулась на шею, а после обеспокоенно окинула взглядом.

– Ты очень изменился. Схуднул. Только нос да глаза торчат.

– Сплю мало.

Взор стал сочувствующим:

– Ребёнка она так и не принимает?

– Я всё перепробовал, – скорбно кивнул в ответ.

Мы расположились за пластиковым столиком в неболь-

шой узбечке, где нашу беседу с лихвой перебивал громкий национальный колорит и говор местных гастарбайтеров.

– Как добралась?

– Поездом, потом на автобус, – Ната с аппетитом всасывала в себя лапшу из лагмана, и, глянув на меня, смущённо улыбнулась. – Извини, голодная как волк. В хостеле шибко не приготовишь.

– Не бери в голову. Я рад тебя видеть, даже соскучился. Как там в Москве дела обстоят?

– Стало гораздо тише. Сначала, как новость обо всём этом прогремела, все прямо с ума посходили. Полиция трясла всю фирму. Прямо настоящий ужас. Тела опознавали по останкам, а когда тебя и Олю не нашли, честно сказать, моему счастью не было предела, я даже приняла бы тебя, как убийцу, главное, что живой. А как Оля?

– Прежней Оли уже нет, – скорбно уронил я. – Она теперь не живёт, а существует. Весь удар пришёлся на неё, даже сейчас. Как бы я не пытался облегчить эту ношу.

– Да. И на этом удары ещё не закончились, – Наташа серьёзно посмотрела на меня. – Я не просто попросила тебя о встрече, Тох. Ты должен увидеть это лично.

Ната достала из своего рюкзака планшет и сунула мне под нос. На экране первое фото – Кирилл Бранга в каком-то ТЦ идёт за руку с женщиной, лицо которой не разобрать, но это точно не Оля. Следующее – снова они, обнимаются у ювелирного магазина. Её кавалер явно сделал щедрую покупку.

Третье... Твою ж мать! Только не это. Уровень уважения к покойнику упал ниже плинтуса. На снимке Кирилл страстно целует свою неизвестную спутницу.

– Выходит семейная жизнь Оли была не так безоблачна, – понуро произнес. – Откуда у тебя эти снимки?

– Я же курьер на их фирме, забыл? А зачищать по утрам кабинеты боссов – самое лучшее время. Скачала фоточки с компьютера нашего нового замдиректора, он же Лесин Игорь.

– Выходит, Лесин собирал компромат на Кирилла?

– Да, только, похоже, вышла неувязочка, – Ната ехидно скривилась. – Был компромат, а стал вещдок, потому что женщина с Кириллом ни много, ни мало сама жена Лесина – Татьяна.

А вот это тогда многое объясняет. Возможно, Игорь узнал об измене жены с его главным конкурентом по бизнесу, а за это вполне можно организовать расправу над семейством Бранга. Только как-то это слишком масштабно и даже пошло – за бабу мужики могли разобраться и тет-а-тет. Хотя, если он именно так решил убрать главного конкурента, как на службе, так и на семейном поприще, то вариант оказался неплох и вполне удачен.

– Теперь главная новость, – продолжала подруга. – Я почти уверена, что Лесина шантажируют. Он ежемесячно выкладывает немалую сумму на один и тот же счёт. А однажды, когда я заменяла Элину, его секретаршу, ему позвонил

человек и назвался Ягуаром. После этого разговора Лесина, словно подменили. Этим же вечером он зверски избил свою жену, которая ни словом не обмолвилась полиции о домашнем насилии.

Ягуар? Явно прозвище. Сильное и беспощадное для своих жертв. Холодок и непонятное предчувствие возродилось в груди и клыками сдавило трахею.

– Номер счёта есть?

– Знала, что попросишь, – Наташа довольно улыбнулась. – У меня подруга в том самом банке работает, попросила пробить, по старой дружбе. Счёт зарегистрирован на Ярослава Калина, а здесь его фактический адрес, – и девушка протянула мне записку с кривыми крючочками из синих чернил. Клочок бумаги неожиданно обжег мне ладонь.

– Думаешь, Калин и есть тот человек, что выполнял заказ на Олю? – внутри же всё похолодело.

Наташа пожала плечами. Сунул записку в карман. Расплатившись за обед, дождались приезда моего такси.

– Спасибо тебе огромное, – благодарно обнял подругу, напряженно озираясь по сторонам. Странный ком в горле сводил челюсть.

– Это меньшее, что я могу сделать для тебя. Если будут ещё новости, сообщу. Оставайся на связи.

– Ты – супер! – кивнул в ответ.

Но, уже сидя в салоне такси, начал выискивать недочеты. Зачем всё-таки Наталье нужна была эта личная встреча? Фо-

то она могла элементарно отправить в мессенджере. Если эти снимки – улика, то почему Игорь их не уничтожил? Ведь дело сделано. Сохранил на память? Бред!

Информация о шантажисте Ягуаре – фамилия, имя и адрес – всё прямо на блюдечке, иди и бери. Лихо схвачено.

Резко обернулся назад на дорогу, на хвосте никаких подозрительных машин. Лесополоса вдоль дорожной ленты мирно и одиноко двигалась вдаль. Как всегда, попросил водителя высадить меня, не доезжая до поселка. Получив вознаграждение, таксист уехал, а я врос в мелкий гравий, перегруженный жутким предчувствием.

Осень всю уже окрасила деревья багряно-рыжей листвой. В селе пахло яблоками-дичка и затопленными банями. Ровно год назад мы вынуждено ступили на эту землю, где я сумел обрести любимую женщину и малышку Аню, но для Оли это ещё одно место мучений и отчуждения.

Несколько минут следил за горизонтом, куда уходила дорожная полоса, словно чуя приезд своего врага. Никого. Ветер гулял в волосах, донося влажный дождливый воздух.

Наконец двинулся с места, но не домой, а к соседке, бабе Нюре. Начинаю сходить с ума? Непонятное чувство зиждилось под корой головного мозга. Может, потому что впервые за всё это время встретился с прошлым? Впервые расширил нашу обособленность? Помог бабе Нюре натаскать воды в бочки, затопил баню и принёс дрова в дом. На чай оставаться не стал.

Сердце болело за малышку, и, как оказалось, не просто так. Крик из глубины дома чуть не вынес вон душу. Оля, детская, истошный плач Ани и самое ужасное – кухонный нож на полу. Мать ребёнка убежала, а я подскочил к малышке. Ужаснулся от вида крови на пелёнках и распашонке. Как она могла?! Наспех осмотрев, понял, что это только небольшой порез на ручке, и Аня, дёргаясь, размазала кровь по себе и кровати. Взял на руки, ласково успокаивая. Обработал ранку, расцеловал пухлые щёчки, напевно разговаривал с ней, пока малышка наконец не успокоилась.

Оля вернулась лишь затемно. Я давно был в курсе, где она переживает свои приступы и больше не ходил за ней, не искал, давая девушке возможность побыть одной. Лес и правда то место, где можно отдать природе свою боль, злость, ненависть, а взамен получить упокоение, гул в ушах и состояние лёгкого транса от переизбытка кислорода.

Накормленная и выкупанная Аня уже сладко сопела, а я разогрел ужин. Оля по ходу вознамерилась без лишних слов скрыться от меня в спальне, но мой грозный голос заставил её замереть в проходе.

– Сядь, – велел девушке и выставил на стол бутылку коньяка.

Ольга знала, что появление этого напитка на столе означало серьёзный разговор.

– Нет, – прохрипела в ответ, но продолжила стоять, как вкопанная.

– Я сказал – сядь, – процедил сурово. – Речь не о твоих бесполезных попытках расправиться с Аней. Хотела бы, давно бы уже это сделала.

Смотрит дикой кошкой, исподлюбя. Я тяжело вздохнул и, усевшись за стол, разлил по кружкам алкоголь. Сделал первый большой глоток, умиряя бурю внутри себя.

– Нам пора съезжать отсюда, – спустя полминуты совершенно уверенно выпалил я.

Глава 6. Ягуар

ТАТЬЯНА

Убрала письмо в стол. Теперь мне суждено перечитывать его вечно. Кирилл пишет, что бросает меня ради жены. Именно в такой форме. В форме листка формата А4, сложенного вчетверо. Так он решил подчеркнуть, что небезразличен ко мне, благодарен за всё, но не может оставить свою семью. Это не бездушное СМС, а самое настоящее письмо с синими чернилами, передающими всё его сожаление и душевную боль.

Что за цирк?! И, видимо, золотые серьги в моих ладонях должны были смягчить его предательство? Но сейчас это всё кажется простым и даже милым. Теперь, когда он мёртв. Прими я тогда это всё адекватно, то не мучилась бы по сей день. Нет, не совестью, а только последствиями того безумного поступка, который мне пришлось совершить ради нашей интрижки...

Облачилась в своё лучшее нижнее бельё и дорогое платье.

Уложила волосы в струящиеся волны и сбрызнула дорогим парфюмом. От услуг шофёра, естественно, отказалась – без лишних глаз.

Этот мужчина осел в старой хрущёвке. В подъезде пахло чьей-то готовкой, псиной и сыростью. Дверь в его обитель всегда была просто прикрыта. Толкнула её, входя в коридор. Квартира, к счастью, с неплохим ремонтом и более-менее чистая.

Застала его за отжиманиями. Капельки пота на оголенной спине свидетельствовали о долгой тренировке. Мужчина поднялся с пола, заметив меня, и встал в полный рост, обернувшись.

Я всегда буду на него так смотреть. Сильный и опасный торс хищника, украшенные татуировкой предплечье, грудь и шея. Голубые и жестокие глаза убийцы, красивое волевое лицо сорокалетнего мужчины. Седина, слегка тронувшая русые волосы, нисколько не портила его образ. Ягуар – его второе имя, которое полностью отражало характер и беспощадность своего владельца к жертвам.

– Опаздываешь, – оскалился мужчина, встряхивая руки после упражнений и разминая шею.

– Но пришла же, – села на диван, снова разглядывая его фигуру. Мой масляный взгляд так и соскальзывал на зону ниже пояса мужских брюк.

Он чарующе и опасно красив, брутален. Мужчина, который всегда следит за собой. Ум в идеале гармонировал с его

силой и сноровкой. Нотки пленящей харизмы часто пробегали по чертам лица, но узнать вторую сущность хищника мужчина позволял лишь избранным. И я не была ею.

Весь спектр его жестокости испытала на себе около года назад, когда сильное и жестокое тело нависло надо мной и погубило под собой моё эго. Он – убийца, и способен подчинять себе любую жертву. Давать свободу, но вести на коротком поводке. Держать хватку на шее, но обеспечивать необходимым кислородом, пока ему это важно. Идеальный баланс между жизнью и смертью. Идеальные условия для страдания невинного.

– Твой муженёк всё больше дёргается и бесит меня, – Ягуар принялся стягивать с себя брюки. Во рту резко пересохло. – Рано или поздно он может слететь с катушек.

– Молчать – в его интересах, – буркнул, отрицая.

Пыталась не смотреть на него, но глаза сами норовили зацепить желанные изгибы похотливым взором.

– Что с теми двумя?

– Ждут, когда ты найдёшь их и наконец грохнешь, – теперь всё же повернулась к нему, сердито щелкнув пальцами.

– Этот шофёрчик не глуп, – Ягуар усмехнулся и, выпрямившись, развернулся ко мне. – Крутится где-то под Тюменью, но план Тахи должен сработать. Водила либо придёт сюда, либо выведет на Ольгу.

– Будет просто замечательно. А что со своим отпрыском делать собираешься? – захотелось вновь посмотреть, как при

упоминании о своём ребёнке папаша меняется в лице. Синева глаз затуманилась серой пеленой, уходя в глубокую думу, а черты лица мгновенно смягчились, меняя всю суть мужчины.

– Не твоя забота.

Эффект на сей раз был резкий, на секунду взор Ягуара устремился вдаль, но он тут же перекрыл всё суровостью. Подошёл ко мне и рванул с дивана к себе. Прижал к разгоряченному телу, потерялся внезапно затвердевшим достоинством об мою промежность и больно смял рукой грудь.

Волосы на голове зашевелились, а из груди изошёл стон.

– Идём в душ, – молния на платье устремилась вниз.

Сорвал белье, даже не оценив. Посадил себе на бёдра и впился в губы, кусая, втягивая и посасывая язык. Он не был мне противен. Та чёрная магия, что исходила от мужчины, заставляла млеть каждую клеточку тела и растекаться в этих руках.

Зашумела вода. Ему плевать на мою причёску и макияж. Вся одежда махом оказалась брошена на пол. Ягуар вошёл со мной в душевую и припечатал к стене, удерживая за горло. Отодвинулся на расстоянии вытянутой руки, разглядывал нагое пленённое тело.

Мужчине нравится то, что он видит. Капли воды ручьём бегут по моей коже. Шлёпнул по грудям, заставив их колыхаться и налиться возбуждением соски. Внутренняя часть бёдер онемела от напряжения. Охнула, когда мужчина овла-

дел моим телом, успешно используя для бешеной встряски все свои способности. Ему нравится видеть моё лицо, когда на нём смешаны и боль, и наслаждение. Только страх он больше не получит, потому что уже давно в его власти, покорена и предвкушаю каждую подобную муку. Он был великолепным любовником. Сначала я приняла это, как своё наказание за зло, что совершила, но сейчас не только была не против его экзекуций, но и ждала их.

– Когда придёшь? – удовлетворенный мужчина теперь пренебрежительно смотрел на меня, присев на край подоконника.

– Как появится возможность, – уронила я, поправляя перед зеркалом убитые макияж и причёску. – Сообщи, как приедешь из Тюмени.

– След шофёра пропал в семи километрах от города, где он был с Ташей. Эта идиотка не могла прикрепить маячок прямо к нему?

– Он бы обнаружил его потом и тут же бы исчез, – мотнула головой, кошачьей походкой прогарцевав к нему.

– Зато мне теперь шнырять по всем домам в посёлках того радиуса, – зло буркнул мужчина.

– Ты – профи, Ягуар, – закусил губу, томно смотря на него.

Чёрт, уже снова хочу этого мужчину. Ягуар усмехнулся, и получила шлепок по ягодице, когда двинулась на выход.

ОЛЬГА

Мы вернулись. Знакомая местность, речь, акцент. Это хоть и было Подмосковье, но я снова ощутила себя дома.

Было велено спрятать волосы под платок, надеть тёмные очки и неброское пальто. Сам Антон сходил в салон и привёл бороду в порядок. Таким он мне даже больше понравился. Бейсболка скрывала его новую стильную стрижку и верхнюю часть лица.

Мужчина снял дом в окрестностях близ города Реутов. В большие населённые пункты Антон не лез. Не смела с ним спорить, так как понимала, что всему своё время. Он что-то скрывал. Много не договаривал. На мои вопросы просто просил довериться, и я доверяла. Снова. Опять.

Нынешний дом оказался более благоустроен и приготовлен к жилью, даже Интернет и телевидение имелись. Правда, отдельной комнаты для ребёнка не было, и новую кровать мужчина расположил прямо в нашей спальне.

После последнего инцидента моё отношение к младенцу смягчилось. Нет, это был по-прежнему ребёнок от убийцы моего сына и назвать его своим до сих пор не могла, но я уже точно осознавала, что несчастное дитя не виновато в гадкой драме своих биологических родителей. Малышке суждено было прийти на этот свет для какой-то цели, и выяснять это нужно, не применяя нож.

Отныне я соглашалась покормить её, сменить подгузник и даже уложить спать. Антон ничего не говорил, словно боясь спугнуть небольшой прогресс, но зато теперь мужчина стал

уверен, что для девочки я больше не угроза.

– Я нашёл работу, – сообщил он, когда мы улеглись спать в новую постель.

– Зачем? – спросила удивленно, ведь денег пока достаточно.

– Альфонсом быть устал, – в голосе различила озорные нотки.

– Не говори глупости, – тоже улыбнулась, ткнув его в бок.

– Эти деньги ещё должны сослужить тебе, когда всё закончится. А я – мужчина, и пока способен вас прокормить.

Придвинул к себе ближе и поцеловал.

– А когда всё закончится, где будешь потом ты?

Вдруг стало страшно, что он отпустит меня, уйдёт с честно выполненным долгом, но его ответные слова теплом разлились по венам:

– Там, где ты скажешь, – провёл рукой по волосам.

Сильней прижалась к нему, замерев. Вязкий воздух тишины замедлял стрелки часов, а стук его сердца эхом уходил в мои мысли.

– Оль? – спустя длительное молчание, окликнул он.

– Да?

– Ты смогла бы описать того убийцу, если попрошу?

От этого вопроса невольно привстала. Описать? Да, убийца всё так же в моём мозгу, его лицо, его жестокость, но преобразовать это всё в слова и определения – невозможно.

– Оль?! – коснулся щеки.

– Это будет тяжело, – задумчиво протянула в ответ, – но, ради важного дела, могу попытаться.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул мужчина, вздохнув.

И он, действительно, спросил снова, спустя несколько дней. Ответ должен быть полным, детальным. Тело в татуировках, цепочка на шее с каким-то украшением, волевое лицо, голубые глаза, русые с проседью волосы, старше нас лет на десять, очень силён.

Антон хмуро сдвинул брови, обдумывая мои слова.

– Тату и цепь на шее, – задумчиво повторил он. – А что за украшение, на что похоже?

Попыталась напрячь память.

– Кольцо и конус, слегка изогнутый, как клык. На предплечье тату в виде какого-то библейского сюжета. Ангелы и демоны, облака...

– Архангела Михаила с Люцифером, – ввернул он, задумчиво. – Битва за небеса. Ещё что-нибудь?

– На шее тоже, вроде, продолжение сюжета, то ли три креста, то ли три меча. Антош, – проронила я. – Ты что-то знаешь. Пожалуйста, скажи.

Сосредоточенный взгляд из-под густых бровей не предвещал ничего позитивного. Мужчина отрицательно покачал головой.

– Я прошу тебя, – глаза внезапно налились капелькам слёз. – Тебе многое известно, я же вижу. Молю, скажи хоть что-нибудь. Целый год прошёл.

В его взгляде плескалось сочувствие и понимание, но в ответ Антон лишь крепче обнял меня за плечи.

– Оля, я точно знаю, что в смерти твоих родных виновна семья Лесина, но самое ужасное, что виновны в этом не только они, но и твой муж.

Сердце с трудом пропускало через себя полученную информацию, постепенно рассыпаясь на миллиарды песчинок. Но в чём конкретно согрешил Кирилл, Антон не стал отвечать, как бы я не просила.

– Оля, ты всё узнаешь, когда придёт время, обещаю.

Утром Тоша ушёл на работу, оставив меня одну. Аня закричала в кроватке, обиженно пискнув.

– Уже проснулась? – взяла малышку на руки и заглянула в подгузник. – Ясно. Идём-ка, переоденемся.

Всё, что мне оставалось это снова ждать, но очень скоро Антон перепугал меня до полусмерти.

АНТОН

Работа – это лишь часть легенды. Поездка по адресу, что мне предоставила Наташа, ничего не дала. Я не знаю его в лицо. Описание Оли тоже стало пустым. Тату на всё плечо – весомо, но мне что, раздевать его посреди ноября? С цепочкой та же история, поверх курток их никто не носит.

Возле указанного дома располагалось небольшое кафе, в которое я и напросился работать за любую оплату.

– Тебя явно интересует этот дом, – молоденькая официантка Нина, мило улыбнулась мне, протирая соседние пус-ту-

ющие столики. – Ты не сводишь с него глаз.

– Ошибаешься, – попытался отмахнуться.

– Я живу по этому адресу, – Нина томно окинула меня взглядом. – Можешь проводить меня после смены, если хочешь.

– Я не могу, – в ответ твёрдо мотнул головой. – У меня есть девушка.

– Ну как знаешь.

Нина гордо махнула вертявой задницей и поспешила к барной стойке. Слежку за домом продолжал больше недели, пока моё внимание не привлекла богатая машина. Такая тачка пожаловала к кому-то в гости? Олигарх-скромняга? Из машины вышла роскошная женщина. Тёмные волосы, статная фигура. Я тебя уже видел! Мать твою! Не думая больше ни о чем, выскочил на улицу, чтобы лучше рассмотреть, и окончательно убедиться в своей чумовой догадке. Официант без верхней одежды также привлек её внимание.

Да, это ты! Сука! Жenuшка Игоря Лесина. Руки невольно сжались в кулаки. Чёрт! Тоха, соберись! Быстро вынул из кармана сигареты, изображая перекур.

Дамочка заблокировала тачку и устремилась в подъезд. Нет, она не может знать меня в лицо. Спокойно. По крайней мере не должна.

Если сопоставить факты, выходит жена Лесина приехала именно к нему! Зачем? Какие у неё дела с этим чудовищем?

Татьяна пробыла там чуть больше часа, а после твёрдой

поступью вернулась в автомобиль, села за руль и укатила.

С трудом доработал смену. От развоза, как всегда, отказался. Вышел на улицу и, кинув последний взгляд на несчастный дом, потопал к автобусной остановке.

Он здесь! Это точно! Но что мне теперь делать с этим открытием?! Звонить в полицию? Бред! Решать самому? Самоубийство. Необходимо обдумать всё лучше. Нет, домой!

Рейсовый автобус ходил по расписанию, и до его приезда оставалось чуть более пяти минут. Морозный ветер продувал насквозь, поэтому забежал в ларёк. Тучная продавщица, уже запомнившая меня, как самого позднего пассажира и покупателя, не возражала. Следом зашёл мужчина, скукожившись от холода, и попросил сигареты и жевательную резинку.

– Холод сегодня собачий, – пожаловался он продавщице.

– А то, – протянула женщина. – Ещё неделька, и жди декабря, милоч.

Благодарная до болтовни продавщица и покупатель углубились в беседу. Мужчина несколько раз попытался включить и меня в разговор, но я лишь культурно кивнул пару раз головой и выдавил дежурную улыбку.

Вышел обратно на улицу. В это время народа в мою степь ехало мало. Встал за остановочным комплексом и снова прикинул. При Оле старался такого не делать, поэтому в часы своеобразной свободы не терял время.

– Мужик, огоньком поделишься?

Оглянулся – тот из ларька. Нехотя протянул ему зажигалку, и посторонился, демонстрируя всем видом, что не настроен к беседам.

– Триста пятнадцатый тоже ждёшь? – хмыкнул он, затягиваясь. Молча кивнул ему. – Что в Реутове совсем труба с работой?

– Так вышло, – буркнул я, незаметно пятясь от нежеланного собеседника.

Глянул на автобус, отстаивающий своё положенное время. Водитель сел за руль и, заведя двигатель, неторопливо тронулся к остановке. Я поспешил к месту посадки.

– Эй, – окликнул незнакомец. – Жига не нужна, что ль?

Нехотя вернулся к мужчине, протянув ладонь за личной вещью. Каких-то пара секунд, и железная хватка пленила руку, вывернув под невозможный угол. Резкая боль пронзила бок, атрофируя все мысли.

– Передай Оленьке, что я её ищу, – процедил незнакомец мне в самое ухо.

Это он! Мозг смог сейчас осознать только эту жуткую истину. Я зарычал и, развернувшись, обрушился на него с кулаками, не чувствуя собственных травм. Ужас и ярость за Олю породили во мне несокрушимую мощь. Удар, раз, два... пять. Ублюдок брызнул кровью изо рта и осел. Смешок из кровавых губ не внушал абсолютной победы. Оппonent, словно разрешал бить себя. Хватка ослабла, и я рванул к автобусу.

Когда транспорт тронулся, видел, как противник поднялся на ноги и сплюнул кровь. Нашёл меня в окнах и, довольно оскалившись, отсалютовал мне двумя пальцами, сложенными вместе. Я понимал, что не могу сейчас скрыть от него весь свой ужас от произошедшей встречи, но смотрел улюдку прямо в лицо, всеми фибрами пытаюсь донести до него всю свою лютую ненависть. Автобус развернулся, дальше отъезжая от остановки, а фигура убийцы, словно растворилась в воздухе.

Дикая боль в боку. Полоснул ножом, мразь. Это он! Ягуар! Ярослав – убийца и насильник. Отец Ани! Да, блядь, у него теперь тысяча определений!

Зажав кровоточащую рану, молился, чтобы автобус причал меня домой, как можно быстрее. Спустя час, переступил долгожданный порог, но рухнул в коридоре, до смерти перепугав Олю.

Глава 7. Ставки

ЯРОСЛАВ

В ярости сцепил зубы, слушая рассказ местной бабульки, как молодая чета с ребёночком съехали отсюда два дня назад. А какие хорошие! У Антошки руки прямо золотые, а Оленьку с доченькой-то как любит... Да бля! Хреновы старухи!

Дом беглецов решил всё же навестить. Быт брошен недавно, сохранились следы уборки, свежие рейки на окнах. Взгляд упал на край кровати, торчащей из угла комнаты.

Ноги сами повели туда. Видно, что уходить старались налегке – большая часть детского барахла осталась невостребованной.

Девчачьи? Она родила девочку? У меня теперь есть дочь, которую воспитывает шофёришка и рыжая вдова с искалеченной психикой. В последнем посодействовал, увы, я. На стеллаже отутюженные и сложенные стопочкой детские вещи, откуда выудил бело-розовую распашонку. Провёл большим пальцем по небольшому пятнышку на рукаве. Втянул характерный сладковатый запах младенца. Внутри что-то дёрнулось и сдавило трахею плотным кольцом. Не вникая в суть своих действий, сложил детскую одежду конвертом и сунул за пазуху.

След утерян, но есть надежда, что наживка Тахи сработает и шофёр явится по адресу, который я указал. Скорей бы, потому что жить в той трущобе не было уже никаких сил, но передать Оле "привет" мне всё же хотелось. Правда, нужно уладить ещё пару моментов.

Пока ехал обратно в Москву, невольно вернулся в тот, уже памятный для меня, вечер. Я выполнял двойной заказ, в какой-то мере. Как же многим мешала эта семейка! Но, придя на место, отчего-то распсиховался, теряя контроль. Велено было прикончить всех и сжечь поместье на хрен. Правильно, так верней.

Войдя в дом, увидел её – шикарная красotka в нежно-лимонном платье, густая рыжая копна волос, идеальные черты

лица. Даже понял этого Кирилла – такую женщину ради бля-
дей не бросают.

И я должен убить тебя?! Твою мать! Где справедливость?!
Убить тебя, чтобы какая-то шваль продолжала втихаря ку-
выркаться с твоим подонком-мужем?! Тебя нужно любить и
трахать, потом ещё раз трахать и снова любить.

Неприятное чувство сковало горло, вызвав небывалую
ярость и негодование к происходящему. Я хочу её попробо-
вать! Просто обязан! Какая она на вкус? Двинулся на жену
Бранги, но что-то пискнув юркнуло под мои ноги, спеша к
ней. Едва устоял на своих двоих и поймал за шкурку мелко-
го светловолосого мальчугана. В досаде отшвырнул пацана в
руки Тумана, который уже успел расправиться с поварихой.
Красотка в ужасе выкрикнула его имя. Ребенок взревел в от-
вет, глуша мои мысли и желания. Схватил красотку за воло-
сы и потащил вглубь дома.

– Мама! – визгливый писк, бензопилой рассек мой взмы-
ленный мозг.

– Заткни сопляка! – рявкнул подельнику.

– Саша, беги! – взревела мать, а следом заорал от боли
Туман.

Раздраженно обернулся, чтобы понять происходящее.
Мальчуган укусил Тумана за руку и вырвался, на что этот
идиот отреагировал совершенно непредсказуемо. Тогда и
прозвучал выстрел, а за ним душераздирающий крик кра-
сотки. Оглушенный истошным криком раздраженно влил

ей по лицу. Ольга обмякла и в беспамятстве рухнула на пол.

Поспешил к ребёнку, но уже понимал, что бесполезно.

– Ты совсем охренел?! – и не сдержав ярость, вмазал Туману по его тупой роже.

– А какая разница?! Всех же велено грохнуть! – рыкнул в ответ, стоящий рядом Серый.

В бессилье сцепил челюсть, понимая, что моё мнение в этот раз не учитывается. Приказ, который нарушать не имею право. Хотя изворачиваться умел неплохо, придумал бы что-нибудь.

Стон красотки дошёл до слуха – очухивается. Вернулся за ней и подобрал с пола. Трахать полено не любил, пусть лучше дерётся и сопротивляется. Глава семьи вылетел из соседней комнаты и бросился её спасать. Ты всё проспал, мразота. Мигом усмирил гада своим ножом, со вкусом наблюдая, как его глаза закатываются, как кровь хлынула из ярёмной вены и как он оседает на пол. Крика его жены уже не слышал. Дура, лучше смотри и запоминай, там на небесах ты мне только спасибо за это скажешь.

Бросил рыжую на супружеское ложе и овладел. Половой акт, как в страшном сне, который впервые мечтаю забыть. До сих пор чувствую это тело под собой, как с каждым толчком убивал в ней женскую красоту, которая досталась мне вначале. Впервые не получал удовольствия. Секс с привкусом дёгтя, и от этого двигался сильнее, наказывая её за то, что вызывает во мне столько странных и гадких эмоций. Не

издавала больше ни звука, просто плетью лежала подо мной и смотрела мимо – в потолок, на пол. Не шелохнулась, когда мои пальцы сдавили тонкую шею. Только струйки бесшумных слёз из уголков глаз. Убийство, которое вызывает жгучий протест и ненависть к самому себе. Пальцы сами разомкнулись, когда карие глаза скрылись под веками. Не добил, я это чувствовал, но не мог и не желал доводить дело до конца. Мозг, сердце и тело, словно не хотели губить эту женщину, будто у неё совершенно иная судьба и она не должна погибнуть под моими руками. Однако, задание есть задание. Сгорит или задохнется в огне. Пусть так! Так правильней!

Открыл сейф – код мне сообщили уже давно. Деньги, драгоценности, бумаги – хлам. Нашёл искомое под потайным днищем. Бережно упаковал в целлофан.

Серый и Туман уже всюю разожгли огниво в прилегающих строениях, а увидев меня, заржали и занялись теперь домом.

О том, что эта Ольга выжила и не одна, узнал из новостей. Толика радости и облегчения дрогнула в сердце, но последствия не сулили приятного исхода.

Лесины тут же озверели и взбаламутили всю воду. Женушку его заткнул быстро, своим излюбленным методом, пригрозив заодно, что муженёк узнает о её блядских похождениях. Видите ли, Кирилла она не хотела убивать, только жену, а в результате всё вышло совсем наоборот. А чего ты хотела, дрянь? Чтобы все полегли, а твой ёбарь остался жив

в обмен на то, что нужно второму заказчику? Прости, киска, но я действовал согласно кодексу и правилам, принятым в мире преступности.

Роясь в говне Лесиных и Бранги, внезапно почувствовал жалость к этой Ольге. Муж – блядун, а ей нужно расплачиваться за его скачущий по шалавам член. Поэтому без раздумий и пришел его, наплевав на все указания любовницы. Кирилл Бранга мог уберечь свою семью, если бы не переступил опасную для всех черту.

Для Игоря Лесина сочинил другую байку. Типа его благодетельная, в целях спасти пост мужа и вернуть будущее его карьере, уничтожила главных конкурентов. И теперь я готов унести их грешок с собой в могилу, если буду получать небольшое ежемесячное пособие за это. А что? Деньги всегда нужны.

И вот спустя год после убийства Бранги сумел найти первую зацепку о выживших. Помогла на этот раз продажная Таха, которая, как оказалось, уже несколько месяцев общается с шофёром. Именно от неё и узнал невероятную новость – Ольга родила от меня ребёнка. Будто нож в рёбра, а во рту засосало под ложечкой. Мою кровь и плоть воспроизвела на свет женщина, которая запала в душу. Невероятно сильно захотелось ощутить в руках своё чадо. Будет ли оно знать обо мне? Любить?!

Бред! Очнись, Ягуар! Это не твоё настоящее. Семья и дети не созданы для таких, как ты. Ты умрёшь один от пули или

ножа в сердце. Вот она доля всех убийц и насильников.

Второй заказчик, что тоже срывал куш на убийстве Бранга, шуток и проколов не любил. Моей задачей стало сделать всё, чтобы его имя не попало в хронику преступных сводок. Этого человека я обязан не только бояться, но и уважать...

Сегодня опять придёт. Довольно предвкушал, что буду вытворять с женой Лесина в этот раз. Эта тёлочка, походу, любит, когда жёстко. Но Татьяна опрометью влетела в квартиру и бросилась к окнам. Мгновенно напрягся.

– Шофёр. Он здесь. Сработало! – выпалила она.

Выглянул в ответ – никого, только ветер гонял мусор по тротуарам и проезжей части.

– Он работает официантом в том кафе. По крайней мере, был одет соответствующе, – настойчиво продолжала Лесина.

Прикинул в голове. На днях брал там кофе с собой и бургер. Да, видел высоченного официанта, ещё подумал, что новенький, но тот никак не отреагировал на меня. Значит, не знает в лицо. Но я-то ведь видел твою любительскую фоточку у Тахи. Какого же хрена не распознал? Теряю сноровку?!

– Он – самоубийца. Приехать сюда за мной и не знать в лицо?

– Может, как раз и хочет узнать? – парировала Таня. – Не все мечтают тебя сразу же прихлопнуть, Ягуар.

– Говори за себя, – рявкнул я. – Хочет увидеть? Что ж, сегодня же у него будет шанс.

Убивать его пока не собирался. Олю и мою дочь кто-то ведь должен оберегать для меня. Но всё же до безумия хотелось, чтобы Оля знала – я помню о ней и очень скоро вернусь к ней и нашей дочери.

После потасовки на автобусной остановке, приполз в свою хату разбитым и уставшим, но застал у себя в квартире очередных гостей, которых видеть сейчас совсем не хотелось.

– Приведи в порядок морду, Ягуар, – громыхнул высоченный детина с автоматом в руке. – Босс ждёт. Собирайся.

Ладно, иду...

ОЛЬГА

Из кухни видела его появление. Отлично, как раз вовремя, рагу почти готово. Кроватку с Аней сегодня вытащила поближе, чтобы лишний раз не бегать в спальню. Сейчас малышка после трапезы сладко уснула, а я могла спокойно приготовить ужин для своего работника.

Отвлеклась на конфорку, чтобы выключить, но услышала звук тяжелого падения.

– Антош?! – обеспокоенно обернулась.

Мужчина тяжело дышал, лежа спиной на полу. В панике подбежала к нему, поверхностно стараясь понять, что с ним произошло.

– Антон?! – раскрыла полу куртки, весь бок залит кровью. О мой бог! Антон в испарине снова пытался подняться. – Что случилось?! Я помогу. Давай, обопрись на меня.

Дрожащими руками взгромоздила тяжеленого мужчину

на себя и довела до кровати.

– Оль... Она не колотая. Куртка сместила удар. Нужно только обработать и зашить.

Швы?! Господи, пронизывать иголку через живую плоть? Да, я швея по образованию, но не хирург. В ужасе смотрела на мужчину, словно умоляя его не заставлять меня заниматься этим. Grimаса мучения на его лице, сводили желудок в жгут. Антон видел мой страх и неуверенность.

– Хорошо, я сам, – снова идёт на уступки. – Только подсоби.

Сорвала с полки аптечку. После моих самостоятельных родов она была полна всем необходимым. Набрала таз с водой и вооружилась простынями. Ножницами срезала с раненого убитую футболку. Осторожно начала промывать рану, обработала антисептиком. Мужчина велел набрать в шприц антибиотик и сделал себе инъекцию. Выудила из аптечки кетгут, хирургическую иглу, цапки и тоже обработала.

– Я смогу, – решительно посмотрела на мужчину.

Я должна хоть что-то сделать для него. Хватит быть трусихой! Антон оценивающе оглядел мои дрожащие руки и согласен кивнул.

– Потерпи только, ладно? – глубоко вдохнула и ввела иглу в плоть.

От цапок отказалась. С дрожью в руках аккуратно стягивала кетгут, стараясь как можно ровнее соединить края раны. Антон лежал, закрыв глаза, и только моргание век и

крепко сцепленные губы, свидетельствовали, что мужчина пока в сознании. Закончив, снова промыла рану и наложила повязку. Убрав всё, вернулась к нему и ласково провела рукой по лицу. Тоша открыл глаза и устало улыбнулся:

– Неплохо справилась.

В груди всё сжалось, теперь мозг начал нагнетать. А если бы рана была серьёзней? А если бы умер?

– Не пугай так больше, – молебно пискнула я, прижавшись к нему щекой.

– Прости.

Все вопросы оставила до утра. Проснулся Антон позже полудня. Пока возилась за Аней и готовила завтрак, периодически поглядывала и на него. Мнительный мозг всё боялся, что мужчина вдруг умрёт. Наконец Антоша возник на пороге кухни, аккуратно и неспешно залезая в рукава рубахи и садясь на стул. Позволила ему спокойно позавтракать и выпил антибиотики, а по завершении уже испытующе смотрела на него:

– Антон, ты же понимаешь, что после всего этого отмолчаться у тебя больше не получится?

– Согласен, – он опустил голову в ладони и тяжело выдохнул. – Его кличка – Ягуар, – выпалил после недолгого раздумья. – Настоящее имя – Ярослав Калинин. Матёрый рецидивист и головорез. Именно его шайка ворвалась год назад в твой дом.

В тихом ужасе смотрела на мужчину, а точнее сквозь. Его

зовут Ярослав. Отец моей горе-дочери – конченная и скатившаяся мразь. Твою мать!

– Выходит, это он тебя? – только и смогла проронить в ответ. Кивнул.

Боже! Вскочила с места. Паника задушила. Метнулась к окну, потом к ребёнку, пытаюсь вдохнуть. Идиот! Ненормальный! Решил в одиночку прийти к нему? К нему!

Понимая моё метание, Антон поймал за руку и вернул за стол, вновь поморщившись:

– Оля, мне просто нужно было удостовериться, что это он. Ведь ни имени, ни его лица никому не известны. Даже мне. Тебя же на опознание я не потащу.

– Лучше бы и потащил, – теперь бросила на него сердитый взгляд.

– Это всё ерунда, Оль. Он не собирался меня убивать.

– Что? – мои брови поползли вверх.

– Да, в том и проблема. Он знал меня в лицо и мог спокойно доехать со мной до самого нашего дома, и я бы ничего не понял. Мы были у него в руках, но он не только ушёл в сторону, но и захотел дать о себе знать. Захотел, чтобы ты знала о нём. Если мои мысли верны, то меня предали. А это значит, что Ягуару всё известно о нас...

– И о его ребёнке, – закончила за него я.

Лицо свела тихая ярость, как только представила Аню в его грязных руках. Как она любит его! Называет отцом... Нет!

– Эта мразь её не получит. Аня не будет воспитываться убийцей и насильником, – в ярости заметалась по кухне.

– Это не всё, – плохие новости сыпались изо рта мужчины стремительным потоком. Как же много ты от меня скрывал! – К нему приезжала супруга Игоря Лесина и была у него около часа.

Жену Игоря я знала. Видела пару раз на светских приёмах фирмы. Роскошная брюнетка, увешанная золотом и спесью. Горькая догадка вошла в мою голову ржавым гвоздем.

– Думаешь, заказ сделала она? Решила помочь своему муженьку, именно таким нечеловеческим методом? – снова тень боли поползла по лицу.

Антон смотрел как-то странно, но ответа конкретного не дал, просто пожал плечами.

– Они поддерживают связь до сих пор, и мне кажется связь у них далеко не деловая.

Стало противно это слушать, понять всё и осознать.

– Оля, Ягуар знает, что мы в Реутове. Найти ему нас – лишь дело времени.

– И что, снова в бега? – сурово посмотрела на него.

– Мы не готовы.

– А будем ли? – вскинула головой. – Он понял кто ты, гораздо раньше тебя. Он опережает нас!

Здесь Антон был согласен со мной. Мужчина напряженно думал и смотрел на Аню.

– Они близко подошли к нам, Антош, отступить уже слиш-

ком поздно.

– Значит, мы подойдем ближе.

– В Москву? – опешила я. – Но нас сразу же вычислит полиция.

– Уже год прошёл. Дело утихло. Да и какая разница? Ты боишься копов? Ты – жертва, а не убийца, в конце концов. А от кого мы, действительно, скрывались, уже давно знают, где мы. Все потеряло смысл, – Антон удрученно опустил голову.

Было видно, что мужчина ругает себя, словно это он где-то допустил ошибку. Он устал. Устал защищать нас. Нет, об отступлении нет речи, но бдительность мужчины становится слабее, а большая часть ресурсов исчерпана.

Сегодня Антон остался дома и во дворе с кем-то долго говорил по телефону. Признаться, не помню его с сотовым в руках. Он всё время действовал скрытно, старался лишний раз не бередить мои раны и течение скорби. Но знать бы, правильная ли это стратегия? Возможно, я могла дополнить его следствие, помогла бы избежать ошибок.

Чёрт с этим! Может, даже к лучшему. Я чувствовала, что готова к действиям. Траур закончился.

АНТОН

Конченная дрянь!

В груди кипела досада и ярость на самого себя. К выбору информатора ведь подошёл с умом. Ната – давняя подруга, работает в фирме Бранга, у неё доступ ко всем лазейкам. Я считал, что сделал верную ставку, но, видимо, предчувствие

после последней нашей встречи оказалось неспроста. Да, визит по указанному ей адресу был мне необходим. Теперь я точно знал, что в расправе над домом Оли виновна Татьяна Лесина, а лицо Ягуара отныне узнаю из тысячи.

Но нам по-прежнему нужен человек. В одиночку мы не справимся. И я знал такого. Ставку на него хотел сделать ещё в начале, но он не был связан с фирмой Кирилла, потому решил не вмешивать в нашу беду. Отныне же сам Бог велел набрать его номер.

– Да? – резкий командный голос на другом конце провода, так знакомо проштробил дыру в моих барабанных перепонках.

– Здорово, братан, – ответил в нашей манере.

Тишина с минуту, и...

– Мать твою... Тоха?!

Спустя буквально сутки мы были уже в Москве.

Андрей Ярый – мой хороший друг, с армейских годов, остался на службе и дальше постепенно продвинулся до майора. Встречались мы нечасто, так как мужчина всё время был не в городе: тренировал призывников, ходил в походы и охранял массовые мероприятия. Но в этот раз друг для такого случая выгрыз для меня время. Встретил он нас на вокзале в самой Москве и буквально раздавил в объятиях.

– Тихо-тихо, друг, – скривившись от боли, отстранился. – Швы порвёшь.

– Ты ранен?! – брови мужчины сурово сдвинулись.

– Было дело.

Увидев Олю, Андрей невольно замер.

– Здравствуйте, – кивнул он девушке и тут же представился. – Андрей.

– Ольга, – робко поприветствовала она.

– Чудная малышка. В смысле, ребёнок, – и смущенно забрал у Оли сумку.

Видимо, девушка не только мне пришлась по душе, но Андрюха, как и я, всегда знал своё место и в его честности можно было не сомневаться.

Друг отвёз нас в достаточно элитный и охраняемый дом. Попасть в него злоумышленнику будет не так просто: охрана, видеокамеры, огороженный двор. Андрей явно хорошо постарался. Даже снабдил квартиру всем необходимым для житья, вплоть до съестного.

Оля готовила ужин, пока я укладывал Аню и изливал майору всю суть нашей беды.

– Я пробил Калина по базе, – осведомил Андрюха, наблюдая за качающейся кроваткой. – На него ничего нет, даже мелких краж или хулиганства. Чист, как стёклышко.

– Разве это возможно? – удивился я.

– Убийца, опгэшник, рецидивист, и без прошлого? – мужчина усмехнулся, покачав головой. – Такого не бывает. Над ним кто-то стоит, и этот кто-то намного круче сраного бизнесмена. Тут ставки выше, и правят этим не только деньги.

– Хочешь сказать, что Лесин – просто пешка?

– Да, тот, кто понесёт наказание, в случае провала. А ты с Олей и есть их главный и постыдный провал.

Чёрт побери! А я уже начал думать, что всё очень просто и банально.

– Ягуар знает, что у тебя на руках его отпрыск? – вдруг спросил он.

– Уверен, и эту информацию та дрянь могла слить. Думаешь, ему захотелось стать папочкой?

Андрей усмехнулся:

– А ты не задумывался, почему профессиональный убийца сработал так нечисто? Он не убил Олю, просто пустил всё на самотёк. И ты... Что за проблема вонзить нож, как положено? Сохранить тебе жизнь, чтобы ты передал от него Ольге "привет"?! Оля для него теперь личное. Она стала матерью его единственного наследника, – процедил он. – Не спускай с неё глаз.

В ужасе смотрел на друга. Эта часть истины никогда так масштабно не посещала мою голову.

Глава 8. Сказка вечера

ОЛЬГА

Близилась новогодние праздники. В том году Антон просто купил шампанское и сам же распил, а в этом на пару с Андреем притащил в квартиру живую ёлку и грудку новогодних шаров и мишуры. Аня сразу урвала себе большой пластиковый шар красно-золотого цвета и тут же принялась исследовать его на вкус и прочность.

– Там же золотишки! – забеспокоилась я.

Стоит ли давать шестимесячному ребёнку подобную вещь?

– Были, – Антон наклонился к ней и умиленно засмеялся, потерев ей личико. – Теперь они у неё на лбу и щеках.

– Лишь бы не во рту, – хихикнул Андрей, пытаясь закрепить ствол дерева в держатель с резервуаром для воды. – Не переживай, Оль, сходит золотом. Станет Анной Золотоносной. Тоха, помогай давай! Держи зелёную. Тяжеленая ведь!

При виде подобной суматохи на душе потеплело. Я всегда любила этот праздник. Семья вся в сборе, праздничный ужин, мигание гирлянд на величественном лесном дереве, подарки. Все счастливы, улыбаются. Магия новогоднего чуда висит в воздухе. Однако, при мысли об этом в душе вновь возродилась болезненная тоска по прошлым новогодним праздникам. Кирилл, Саша, даже прислуга, присутствовали за новогодним столом, радовались торжественным моментам, обменивались подарками. Смех заполнял весь дом. Песни и яркий фейерверк были обязательными атрибутами новогодней ночи. Они все были моей семьёй. Были...

Неожиданный лёгкий поцелуй в губы, вернул из прошлого. Антон ласково смотрел на меня и слегка приподнял кончик носа. Не унывай! Улыбнулась в ответ.

– Украсим сегодня? – спросил он.

– Конечно, сегодня! – сразу же встрял Андрей. – Я специально отпросился с работы. Тоха, тащи пиво. Блин, приеха-

ли – гирлянда не контактит.

– Ну ё-моё, – Антон с досадой развёл руками. – Теперь часа два только нужную лампочку искать.

– Найдём. Ольчик, ты давай пока игрушки развешивай, – отдавать команды для Андрея – дело уже профессиональное.

– С игрушками потом неудобно гирлянду тянуть, – качнула я головой.

– Согласен, – поддакнул Тоша, уже погружаясь в водоворот лампочек.

– Тогда, друзья, мы здесь надолго, – пафосно протянул Андрей.

– Никто никуда не спешит, – проговорила я, успокаивающе. – Я пока соображу поесть чего-нибудь, а вы ищите негодную.

– Ты – чудо! – друг Антона приободренно поднял вверх большой палец.

С кухни услышала, как заработал телевизор. Каналы уже давно начали крутить новогодние фильмы и советский кинематограф. Кажется, сейчас транслировались "Джентльмены удачи", который любила с детства, зная буквально каждую фразу. Мужчины о чем-то болтали, периодически срываясь на хохот.

– Нашёл! – радостный возглас Антона.

Выглянула к ним. Работяги, расположились на полу гостиной и с явным энтузиазмом меняли неисправную лампочку. Наконец гирлянда разыгралась разноцветным свечением.

Пока они тянули электродiod по ёлке, я накрыла журнальный столик съестным.

Глазки Ани наблюдали за происходящем, но то и дело норовили сомкнуться.

– Ей пора спать, – шепнула Антону, взяв малышку на руки.

– Да, девчонка насмотрелась интересного вдоволь, – кивнул он и, прихватив детскую кроватку, унёс в нашу комнату.

– Иди, я уложу её, – отправила мужчину обратно к другу.

Укачать ребёнка, наглотавшегося впечатлениями, оказалось недолго. Через полчаса вернулась в гостиную.

Антон с Андреем уже распаковали остальные шары и дилетантски прикладывали их к лесной красавице. Пора и мне внести свою лепту. Я с удовольствием погрузилась в декор ёлки, подавая Антону нужную игрушку и указывая, куда прикрепить. Андрей тянул мишуру по стенам, сооружая из неё незатейливые фигуры.

– Чувствую себя первоклассником, – пробурчал он, разглядывая полуготового кролика на стене.

– Сейчас договоришься и отправишься вырезать снежинки из туалетной бумаги, – съехидничал Антоша, вызвав взрыв смеха.

Постепенно вся живость сходила на "нет". Андрей, изрядно подвыпивший, уже с чувством выполненного долга отрубался на диване, пытаясь всё же досмотреть одним глазом "Аватар". Я расставляла под ёлкой коробочки, имитирую-

щие подарки. Антон крепил к муляжному камину новогодние носки. Гостиная приобрела совершенно другой окрас и настроение. Тоша сменил освещение на праздничные огни, наполнив комнату вечерней сказкой. Улыбка не сходила с моего лица.

– Это словно другой мир, – протянула я, глядя на огни. – Сразу так тепло на душе. Спокойно, – положила голову Антону на плечо.

– Ждал от тебя именно такой реакции, – мужчина поцеловал меня в макушку.

Волшебный храп Андрея заполнил гостиную нашим новым тихим смехом. Собрали с пола мусор от упаковок и блестяшки от мишуры. Я выключила телевизор.

– Пс-с, – тихо позвал Антон, стоя у окна близ ёлки. – Иди сюда.

Увидела у него в руках два бокала с шампанским. Когда успел?

– Не рановато? – улыбнулась я, принимая свой.

– Нисколько, – чмокнул в нос. – Мне понравился сегодняшний вечер.

– И мне, – совершенно искренне кивнула я.

– Тогда за этот вечер?

Согласно стукнулись бокалами. Отпила. В руке Антона возникла небольшая бархатная коробочка, от которой невольно напряглась. Нет, только не это...

– Это серёжки, – тут же успокоил он. Виновато посмот-

рела на него. – Знаю, у тебя этого добра полно, но мне просто захотелось, чтобы было что-то и от меня.

Открыла коробочку. Золотые капельки с маленьким бриллиантом и фианитами. Крохотные, но невероятно милые.

– Они прелестны! Спасибо, – тут же надела их.

Антон разглядывал меня, восхищенно улыбаясь. Невольно сжалась от его взгляда. Сколько любви и боготворения в этих глазах, а я даже не знаю, что сама чувствую к нему. Безусловно, я дорожу им, бесконечно благодарна, а дальше? Может, потому что давно мертва для всего этого, и уже не могу воспринимать мужчин данным уровне? Я погибла для романтики и любви. Меня уничтожили.

Но он не потребует, не станет давить, не бросит, сдавшись, а будет рядом, пока нужен. И уйдет, только если потребую. Нет, не хочу. Не требую!

За окном полетели белоснежные пушистые мухи, танцующая вальс в уличных фонарях. Шагнула к мужчине, заглядывая в глубину его зелёных глаз. Он красив. Почему раньше этого не замечала? Захотелось, чтобы прижал к себе, обнял, успокоил в своих руках.

– Поцелуй меня, – робко попросила его.

Магия вечера не требовала упрашивать. Впился в губы, сладостно погребая в себя и заставляя трепетать каждую клеточку тела. Приятное покалывание в пальцах и странный зуд за грудиной.

Раскат Андреевского храпа погубил всю интимность мо-

мента. Уткнувшись мне в шею, Антон тихонько засмеялся.

– Трактор, – тоже не сдержала смех.

Мужчина неожиданно поднял меня вверх и посадил себе на бёдра.

– Этот вечер наш храпящий друг не испортит, – снова затащил в поцелуе и понёс в спальню. Продолжая целовать, уложил на кровать. – Погоди.

Скрылся в коридоре. Он сегодня полон сюрпризов, либо я наконец прозрела. Вернулся. Рылся где-то в темноте на полу, возле удлинителя. Привстала, собираясь уже предложить помощь, но так и осталась с открытым ртом. Тёмный потолок и стены спальни внезапно озарили миллиарды звёзд, начав своё плавное движение.

– Бог мой! – заворуженно уставилась на этот огромный домашний космос.

Антон присел рядом. В руках снова разглядела шампанское. Улыбнулась, принимая бокал.

– Ты – невозможный романтик, – погладила его по щеке.

– Я-то? Да, – расплылся в улыбке и снова жадно поцеловал.

Мы допили шампанское и улеглись, продолжая разглядывать проекцию звёзд, которые плавно и размеренно плыли по спальне. Голова покоилась на плече мужчины. Вытянула руку к ночным светилам, моментально словив их на своей коже. Ладонь Антона тут же слилась с моей. Мягко массировал и поглаживал пальцы. Скользнул вниз к сгибу, оказался

на талии, смещаясь к бёдрам. Захотелось снова проникнуть в него, в его тело, душу. Привстала и, склонившись над его лицом, ненавязчиво поцеловала. Спальня наполнилась жаром нашего разгоряченного дыхания. Задышала в такт его движениям, уходя в круговорот звёзд и сладостной муки, что мужчина вновь дарил мне. Волна страсти и взаимного наслаждения владела нашими телами, до предела разряжая раскалённую плоть.

Удовлетворённые сладостной усталостью упали обратно на простыни. Нам просто было хорошо. Это ещё один вечер с ним, который я запомню навсегда.

ТАТЬЯНА

Чёртова парикмахерша! Чуть в горло ей не вцепилась, увидев, что она сотворила с моими волосами. Криворукая курица!

Доехав до дома, встала у ворот, раздражённо ожидая, когда нерадивый охранник соизволит наконец открыть их. Спит на рабочем месте, олень! В гараже стояла машина Игоря – выходит муженёк дома, а я, дура, надеялась, что на фирме. Побывать одной значит не удастся.

У горничных – обеденный перерыв, в это время их фиг найдёшь. Ладно, сама.

– Мария, налей мне воды, – потребовала без лишних любезностей. Кухарка быстро исполнила. – Игорь давно вернулся?

– Где-то часа два назад.

– В кабинете?

– Нет. Уставший был какой-то. Вроде наверх поднялся.

Чёрт. Снова слушать его гудение. Фыркнув, направилась в супружескую, питая надежду, что благоверный спит. Почему бы и нет?

Войдя в комнату, заметила его в кресле. Повернулся к окну, сев ко мне спиной. Видела лишь руки на подлокотниках.

– Игорь, мне нужна новая парикмахерша! – свою злость и досаду решила выместить на мужа. – Эта курица всё испортила.

– В женской тюрьме красоваться будет не перед кем, – чужой, но знакомый бархатный баритон раздался за спиной.

Звук его голоса подкосил мои ноги. Обернулась, наблюдая, как Ягуар довольно закрывает дверь нашей комнаты.

Бросилась к мужу, но, крутанув кресло, в ужасе отпрянула, упав на пол. Из горла Игоря стекали струйки крови, безжизненный взгляд устремлён в потолок, а агония смерти изменила его до неузнаваемости. Захотела истошно закричать, но убийца тут же крепко зажал мне рот, поднимая на ноги.

– А вот так делать не надо, – острое ножа уткнулось мне в грудь. Замерла, ощущая его дыхание возле уха. – Слушай внимательно и запоминай, – чмокнул в висок. – Твой Игорёчек узнал, что это ты положила в семью Бранги и захотел сдать тебя полиции. Возьми-ка, поддержи немного, – стальные пальцы вложили мне в руку окровавленный нож, который едва не растёр мои о рукоять.

– Ягуар, пожалуйста, – слёзы потекли по щекам. Попыталась вырваться, тщетно дернувшись в его крепких руках.

– Тих-тих. Всё, всё... Можно уже бросить, – говорит хищно, ласково и усыпляя. – Бросай, моя хорошая.

С силой разжал мне пальцы и швырнул нож мужу под ноги.

– Дальше ты в порыве гнева перерезала ему горлышко. Поняла, да?

– Пожалуйста, Ягуар, не надо, – слёзы градом бежали по лицу.

– Ну-ну, – он развернул к себе. – Не плачь, моя красавица, – поцеловал в лоб, ядом отравляя кожу. – Просто пришло время кому-то ответить. Мне совсем не хочется калечить и твою прекрасную шейку. Тюрьма всё же лучше, согласишься?

– Ты – тварь! – прошипела я, сходя с ума от бессилия. – Мразь, сукин сын...

В ответ мужчина усмехнулся:

– Других слов от тебя даже не ждал. Но я совсем не злюсь, красавица. Всё понимаю.

– Зачем? Хотя бы скажи зачем?

– А зачем ты убила тех несчастных?

– Но ведь это же ты...

– Да, солнышко, но всё для тебя. – он вдруг опустил руку к моей промежности и похлопал по ней. – Потому что свою “кисоньку” ты раздаёшь кому не надо. И ещё, испортишь нашу байку, узнаешь от сокамерниц, как остра может быть пи-

лочка для ногтей.

Взял за шею и, приблизив к себе, яростно и гадко поцеловал. Дико захотелось плюнуть этот поцелуй ему обратно в лицо. Отпустил и, посторонившись на пару шагов, со всей силы ударил. Сознание прыгнуло, теряя картинку, и я упала на пол, отключившись.

Мне не дано было увидеть, как Ягуар впустил в комнату охранника и велел вызывать полицию.

Этому человеку открыты абсолютно все двери и подвластны все жизни и судьбы, а мы – лишь марионетки в его спектакле.

Глава 9. Не губи

АНТОН

Утро началось с требовательного плача Ани. Блаженно продрал глаза и потянулся к своей женщине, но Оля уже натягивала на себя халат, направляясь к дочери.

– С добрым утром, – сладко выгнулся, выходя из ночной неги.

– С добрым, – девушка вернулась с малышкой на руках и чмокнула в ответ. Аня тут же потянула ко мне пухлые ручки.

– Эй? Кто у нас тут такой громкий? – забрал девчущку у Оли и легонько подбросил. Ребёнок довольно запищал.

Через час накормленная Аня копошилась в своей кровати, проветривая заодно и попу. Оля ушла, как обычно, на кухню, я же прошёл в гостиную и оценил дрыхнущую фигуру друга.

– Дюха? – позвал спящего.

Тот нехотя перевернулся на другой бок. Бессовестная пьянь! Спустя ещё четверть часа, он наконец продрал глаза.

– Даже одеялком не накрыли, – проворчал досадливо.

– Мстили за твой музыкальный слух, – шутливо хлопнул его по плечу.

– Что, снова, что ль? – виновато скривился.

За завтраком шла оживлённая беседа. Небольшой телевизор на холодильнике вещал утренний эфир новостей, который шёл для нас фоном. Внезапно Оля побелела в лице:

– Ребят, – и призвала обратить внимание на новости.

Оглянулся на экран и в шоке аж привстал. На кадрах полностью выгоревшее поместье Бранга. Комментатор тем временем довольно смаковал:

– Именно сегодня стали известны устрашающие факты загадочного убийства Кирилла Бранга и его семьи. По делу об убийстве задержана жена замдиректора компании "Ситикорп", Татьяна Лесина, которая буквально вчера жестоко расправилась со своим супругом Игорем Лесиным и была сразу же обезврежена его собственной охраной прямо на месте. Перед своей смертью Игорь Лесин успел сообщить Леониду Корпалёву, другу и коллеге, о жутком деянии своей жены, в следствие чего Татьяна Лесина полностью признала свою вину. Тем временем полиция до сих пор ищет супругу Кирилла Бранга – Ольгу, а также их шофёра, Антона Колосова, для выяснения полной картины произошедшего.

Оля уронила голову в ладони.

– Как всё вовремя-то! – восхищённо протянул Андрей и мигом встал. – Прямо, как по заказу. Пока не высовывайтесь. Ждите меня.

– Андрей, – вдруг воскликнула девушка. – Это правда? Эта она?

– Там не вся правда, Оленька, – проронил он, наспех одевая пуховик. – Это как раз и беспокоит. Обещаю, я всё раз-
знаю и вернусь, – и мужчина вылетел за дверь.

Теперь её взгляд смотрит на меня.

– Не смотри так, – взмолился я. – Мне известно почти то же самое.

– Почти? – вскинула бровь.

– По другой информации Ягуар шантажировал Лесина, и Игорь исправно перечислял ему деньги, но в правдивости этой "утки" не уверен, так как источник оказался не надёжный. Вдобавок, я сомневаюсь, что Лесин побежал бы сдавать свою жену, так как убийство твоего мужа, Оль, как раз и вызволило его со скамьи на выбывание. Да и Татьяна тогда, выходит, полная дура, потому что, если бы Игорь и заявил на неё, то у него не было бы никаких доказательств, и всё бы тут же замяли. А теперь она ни с того ни с сего убивает мужа и после чистосердечно во всём сознаётся?! В таких жутких преступлениях?! Всё как на заказ. Больше года играли в молчанку, а теперь резко все обосрались?

От напора моей логики у неё явно голова пошла кругом.

– Это не меняет главного – мою семью заказала именно эта дрянь, – лицо девушки снова приобрело нерушимый вид.

– Я не снимаю с неё вины, но, поверь, мы с Андреем думаем, что Лесина – не единственная, кто ответственен. А они как раз и опасны для тебя. Татьяна – лишь отвлекающий манёвр.

Все мои слова вскоре подтвердил и сам Андрей. Он вернулся только на следующий день. Обвинения полиция с нас полностью сняла, только просит объявиться для дачи показаний. Жена Лесина скрывает имя исполнителя, ссылаясь на то, что сделка проходила без личных встреч.

– Хочешь сказать, нас решили вывести из тени? – напрашивался только этот вывод.

– Да. По-другому вас, оказалось, не взять.

– И что нам делать сейчас? – мне был нужен совет.

Андрей понуро смотрел на меня, но до сих пор молчавшая Оля вдруг произнесла:

– Рано или поздно нас найдут, но мы можем прийти в полицию и рассказать то, что известно только нам, – голос девушки предательски дрожал. – Им нужно имя исполнителя, а мы его знаем. Я способна описать и опознать убийцу.

Я и Андрей переваривали её слова. Да, присоединившись официально к следствию, мы дадим много новой и необходимой информации, но в тоже время становимся абсолютно доступными для недругов. Меня же беспокоил ещё один момент:

– Оля, ты – главный свидетель и то, о чём ты сейчас говоришь, они, наверняка, предвидели. Вопрос в том, почему это их не беспокоит?

Я видел только противоречия.

– В одном Оля права, – выдохнул друг. – Вас найдут. Бегать вечно не выйдет, но мы можем теперь выйти на зверя с оружием. Я сообщу о вас в службу защиты свидетелей. Организую хорошую охрану. Да, будет нелегко и страшно, но война она на то и война. Вести бой одним вам уже не придётся. Решайтесь, Антон.

Они оба смотрели на меня. Я видел, Ольга готова, но непонятное чувство тревоги обуревало внутри.

– Антош? – смотрит молебно.

Она устала бояться, прятаться, и я понимал её. Оля уже прошла через ад, пережила страшную потерю, теперь наконец начинает поднимать голову, начинает оживать, но воскреснет полностью лишь тогда, когда убийцы будут наказаны.

– Организуй нам коридор защиты, – сурово посмотрел на Андрюху. – Только так мы согласимся на дачу показаний.

И друг ушёл выполнять наши требования. Жаль, что никто из нас не предвидел беды.

ЯРОСЛАВ

Сердито потушил самокрутку о давно переполненную пепельницу. План Его был неплох. Дать делу Бранги новый ход, раскрыв наших шестёрок, и тогда шофёр и Ольга высунут

нос, поверив в правосудие. А тут мой выход – пуля каждому в лоб.

На парня срать – прихлопну без раздумий, да и эту красотку, может быть, наконец смогу, но меня волновало другое. Вспомнил о ноше в кармане. Малюсенькая распахонка в моей руке обожгла кожу. Мой ребёнок. Моя дочь. Моя кровь и плоть. Единственное существо, которое уже несколько месяцев волнует мне душу.

Я с подросткового возраста не ценил ни одну человеческую жизнь. Первое убийство совершил ещё в тринадцать лет в детдоме за то, что та гнида убила моего любимого пса, повесив дворнягу на дереве. Ради шутки. Что ж, и я оценил его гребаный юмор – ножом в горло. Следы преступления сумел скрыть, а труп закопал на заброшенном кладбище.

С ненавистью ко всем прямоходящим прожил до пятнадцати, разбавляя свою "мораль" воровством, разбоем и хулиганством, всё более совершенствуясь в избранной стезе. Мне не было равных. Полиция могла только подозревать, но, не находя доказательств, отпускала. "Как с гуся вода", – говорили они.

Попав под Его крыло, шёл смело по телам погубленных душ, как по ковру, но прокол с семейством Бранга заставил нас всех загрузиться.

Почему дал сбой? Да хрен его знает! О шофёре просто не знал, да и его персона на тот момент не была губительной. А эта дамочка... Оля. Слишком болезненно дёрнула за живое.

Лишь теперь, держа в кулаке распашонку дочери, понимал, что сделал всё правильно. Её нельзя было убивать. Сам Господь вложил мне это в душу и побудил остановиться. Но для чего? Следует разобраться.

Да, я хочу увидеть своё чадо, взять его на руки, видеть в его глазах своё продолжение. Странно, но это так. И это до боли в груди желанно. Да что со мной, мать вашу? Гневно сжал клочок ткани в кулаке. Дети? Крикливые, сопливые, снующие... Брр... А тут чего так зацепило? Что своё говно? Что от неё? Что ты променял уже пятый десяток и только сейчас задумался о своих вырождаках?

Их нельзя сразу убивать. Мне нужно увидеть её. Свою дочь. Только раз. Всего лишь разочек! Потому скрыл от НИХ встречу с шофёром. Скрыл, что имел все шансы исправить свой косяк и убить свидетелей. Но я не намерен давать Ему право руководить моей жизнью без моего мнения. Тупого солдатики и исполнителя Ему не видать.

Танька оказалась послушной. Приняла удар достойно. Мусора тут же зашевелились. По наводке Его крота нашёл объект соприкосновения с Олей и Антоном – Андрей Ярый. На его телефон примерно месяц назад был звонок из Реутова. Он назвал его Тоха, потом слова лёгкой беседы и оговор созвониться вечером. Диалог их не повторился ни вечером, ни утречком – тишина. Прогнав их по базе, нашёл ещё точки соприкосновения – Ярый и Колосов служили в одной части. Направление задано.

Следователи, прокурор, адвокаты и сам Андрей Ярый пришли пообщаться с арестованной Танюшей. Ключёт. Он проторчал в отделении целые сутки. Меня едва не срубило в машине, пока ожидал его. Наконец-то! Мужчина вышел из следственного управления и сел в машину.

Через некоторое время примчал к охраняемому дому. Миленко. Тут хрен уйдёшь незамеченным, но я и не такие крепости брал. Проторчал он там прилично. К вечеру вышел. Мужчина закурил, ожидая пока тачка разогреется.

– Вечер добрый, – окликнул я. Обернулся. – Мужик, в этом доме ещё кто-нибудь хату сдаёт, не знаешь?

Он тут же потерял ко мне интерес и, отмахнувшись, бросил:

– Не в курсе.

– Квартиры-то поди шикарные?

– Соответствующие.

– Тоже снимаешь? – милейше поинтересовался, глядя на окна квартир.

Усмехнулся:

– В гостях был.

– А, ну извини, братан, – сунул руки в куртку.

– Ничего страшного.

– Я не за это извиняюсь, – приблизился к нему в упор, прикрываясь от камер.

Андрей дрогнул, лицо перекосилось от боли. Нож решил оставить внутри. С ним проживёт подольше. Впихнул в тач-

ку, отрубив парой жестоких ударов по лицу. Закрыв двери и сел за руль.

Привёз его на склад, что снимался для наших делишек. Тут всегда спокойно и никто в радиусе пятисот метров не услышит криков страха и боли. Затащив в ангар, бросил на пол, пристегнул наручниками к батарее. Обчистил карманы: портмоне, деньги, банковские карты, памятные билеты в кино, фотки и... Договор на аренду.

Хороший гость – ходит в квартиру, которую сам же снимает для хозяев?

– Обманывать нехорошо, – потрепал за волосы его свисающую голову.

Из карманов брюк выудил две связки ключей. Одна – точно от арендованной хаты. Спасибо, браток. Лучшее время посещения – ранее утро. Подожди, Олечка, я уже иду.

ОЛЬГА

Антон напряжённо рылся в Интернете и всё время проверял телефон. Мне же устал улыбаться, делая вид, что всё пока хорошо. Под вечер Аня стала беспокойной, всё время вредничала и по любому поводу заливалась плачем. Зубы – этот набор признаков мне был знаком. Отправила мужчину за "Панадолом" и мазью с лидокаином. Зубопрорезыватель храбро претерпевал своё предназначение.

За ночь пару раз просыпалась от жалобного кряхтения малышки. Ближе к утру приняла решение уйти с ней в гостиную на диван. Провалилась в сон, но чувство тревожной дрё-

мы заставило открыть глаза. За окном – ещё раннее утро, темно... Но Ани рядом почему-то не оказалось.

– Антоша? – спустила ноги на пол.

До слуха донеслось гуканье малышки где-то из спальни. Похоже, Тоша решил забрать её с целью дать мне поспать. Глянула на часы – шесть тридцать утра. Озноб пробрал тело, и захотелось под антоновское крыло. Быстро пошлёпала в спальню.

Вскрикнула и тут же зажала ладонью рот, увидев картину в свете ночника. Антон, как ни в чём не бывало, спал на боку, укутавшись в одеяло, но рядом с его лицом покоился опорожненный шприц. В голову мужчины направлен пистолет с глушителем, а рядом возвышалась фигура, держащая на руках Аню.

– Доброе утро, – звук этого голоса подкосил мои ноги.

Это Он! Ягуар! Жуткое прошлое снова здесь, в моём доме.

– Ты и моя дочь приглашены ко мне. Если не хочешь пули своему ёбарю в башку, то одевайся поживее.

Малышка, надув щёки, сидела на его руке и заинтересовано теребила цепь на шее убийцы, норовя взять в рот. Мне стало невероятно страшно. Участь моего Саши висела теперь над ней. Нет, нет... Он не причинит собственной дочери вред.

– Оставь её, пожалуйста, – голос дрогнул в мольбе. – Я пойду с тобой.

– Мне приятно видеть, как ты беспокоишься о нашей дочери, – его голос звучал на удивление тепло и мелодично, – но мне не нужна ты без неё. Так что, одевайтесь и без глупостей. Не губи Антошку с Андрюшкой.

Андрей?!

– Да-да, – он довольно оскалился. – У него перо в брюшине, кто знает, может, ещё сможешь ему помочь.

Ягуар дал на сборы лишь пять минут, передав малышку мне. К моему счастью, Аня раздалась громким плачем. Быстро одела её. Трясущимися руками бросила в сумку пеленки, подгузники, тёплую одежду, бутылочки, лекарства – всё, что могло пригодиться нам. Помчалась с ней в гостиную, уложила на диван. Пока натягивала платье, быстро выудила из шкафа то разорванное, памятное, что хранила до сих пор. Сунула за диванную подушку.

Молю, Антош, найди его!

Успела. Фигура Ягуара возникла на пороге. Пистолет небрежно покоился в его руке, но это не должно давать мне надежд.

– Прибери тут. Спешки видно быть не должно.

Он хочет, чтобы Антон думал, что я просто ушла? Нет, он всё поймёт верно, у тебя ничего не выйдет.

– Шевелись! – в голосе различила раздражённые нотки.

Порхнула к малышке. Взяла на руки. Коснулась её лба губами. Горячая.

– У нее температура... Прошу, – снова взмолилась я.

Глаза мужчины сверкнули, а рука с оружием дёрнулась. Сделал два широченных шага ко мне и толкнул вон в коридор. Сумку взял сам.

– Без самодеятельности, – шикнул, обняв за талию.

Дуло пистолета уткнулось мне в бок.

Камеры брали нужные ему кадры – семья с ребёнком идёт на улицу – ничего особенного. Аня, округлив глазки, смотрела по сторонам. Щёчки её горели нездоровым румянцем. В транспорте узнала машину Андрея. Он не лгал.

– Есть чем сбить температуру? – убийца глянул на меня в зеркало заднего вида.

– Да.

– Делай.

Через полчаса Аня уснула. Потрогала лобик – начало действовать.

– Завяжи глаза, – кинул мне плотную чёрную ткань, – и опусти голову на сиденье.

Исполнила.

Машина явно ехала по грунтовой дороге, так как на каждом ухабе моё тело слегка подбрасывало вверх. Остановка. Хлопки дверей. Сталь пальцев отчего-то стала мягче. Поддержал за руку.

– Аккуратно, голову, – помог вылезти из машины.

Придерживая за локоть, повёл уже по ровной дороге. Скрежет дверей, гул от шагов. Это помещение складское и невероятно холодное.

– Больному ребенку здесь не место, – в моём голосе про-
резалась суровость.

Лязг замков и грубый толчок.

– Располагайся, – снова лязг и удаляющиеся шаги.

Сорвала с глаз повязку. Старая тахта. Груда тряпок в углу.
Стол. Ватное одеяло.

Обернувшись, тут же увидела на полу Андрея. Мужчина
полусидя прислонился к батарее и слабо сжимал рану вокруг
ножа. Руки и рубашка с пуховиком в крови. Глаза закрыты.

– Андрей?! – аккуратно положив спящую Аню на тахту,
рухнула возле него на колени. – Андрюша?!

Приоткрыл глаза, глядя затуманенным взором. Сердце
сжалось со страшной силой.

– Оля...

Глава 10. Ты убила зверя

АНТОН

С трудом продрал глаза. Дома невероятно душно и... Ти-
хо?! Половина кровати пуста.

– Оля? – позвал, прислушиваясь.

Без ответа. Ни звуков на кухне, ни гуканья Ани. Полная
тишь. В груди мгновенно всё сжалось от беспокойства. Бро-
сил взгляд на часы – десять утра.

Встал, плечо неприятно ныло. Спал неудобно? Потёр, раз-
миная затвердевшую мышцу и потянулся к домашним брю-
кам. Одевшись, тут же устремился по комнатам на поиски.
Везде всё как обычно. Зашёл на кухню, осмотрел холодиль-

ник и плиту – голо. Не похоже на Олю. Она никогда не забывала оставить еду для меня, будь то обед или ужин. И магнитная доска без сообщений для меня. Ушла гулять с Аней или, может, в аптеку? Но, не предупредив друг друга, мы никогда и никуда не уходили. Не то сейчас время для нашего мирка. Выглянул из окна во двор. Детская площадка пуста.

В гостиной всё так же. Ёлка, украшения...

Диван! Нет, не всё также. За подушкой что-то заткнуто? Как будто спрятано. То, что выудил из-под неё, ввело в шок. Лохмотья того памятного платья. Я знал, что Оля его сохранила. Она всегда прятала его далеко в шкафу, но тут вдруг достала и оставила вот так вот?! Что-то не так.

Кинулся к сотовому. Андрей вчера был весь вечер недоступен, но сегодня уже должен взять этот проклятый телефон. Набрал. "Абонент временно не доступен". Это уже не смешно. Ещё через час бесцельной надежды на появление Оли понял, что пришла беда и помощи ждать больше не у кого. Решительно сорвался с места.

В полиции на меня сначала смотрели без интереса, пока я не назвал и не упомянул семейство Бранга. К счастью, в наручники не заковали – хороший признак. Ещё через час в кабинете, где меня мариновали, появился и следователь. Он явно нёсся сломя голову, потому решил простить ему часовое ожидание.

Высокий блондин с голубыми выцветшими глазами, широкоплечий с немалой мощью в теле. Костюм слегка запы-

лён, под ногтями, похоже, грязь. Было видно, что такие, как он, штаны в кабинете не просиживают, а наоборот, рыщут, не брезгуя залезать в самую клоаку и днище людского дерьма. Заметив мой взгляд, оперативник сконфуженно спрятал руки.

– Вячеслав Ильин – начальник угрозыска ГУВД. Рад наконец лицезреть Вас, хоть и не по очень хорошему поводу. Мне хотелось бы, Антон, услышать всё – с самого начала до сегодняшнего дня, чтобы я мог полностью видеть картину.

И я вернулся в начало, в те жуткие минуты во дворе дома Бранги. Поведал о том, как подались в бега, где скрывались, как Оля родила ребёнка от убийцы и насильника. Раскрыл имя Ягуара.

Слушая, Вячеслав то и дело уточнял или дополнял меня. Весть о том, что Андрей Ярый, их коллега, вчера загадочно исчез, перестав выходить на связь, заставила следователя хмуро сдвинуть брови. А информация, что так же исчезла и Оля с ребёнком, полностью ввела его в тупик.

– Вы считаете, что это сделал он? Ягуар?

– Оля спрятала за диванную подушку памятное платье, в котором она была в тот страшный день. Я думаю, это подсказка.

– Говорите, Андрей снял для вас квартиру в хорошо охраняемом доме? Значит, камеры нам всё и расскажут. Едем.

Охрана лишь при виде удостоверения нехотя допустила нас к видеотеке. Камера возле нашей квартиры. Совсем ра-

нее утро. В наши двери заходит мужчина. Одежда, походка – готов поклясться, что это Ягуар. Меньше, чем через час, он выводит Олю с Аней. Преступник приобнял девушку, но только мне заметна её поступь на негнущихся ногах. Вячеслав быстренько переходит на камеры двора. Они идут к машине.

– Стоп, – потребовал я. Пауза. – Это машина Андрея.

Вячеслав приблизил картинку, вглядываясь.

– В машине его не видно.

– Андрей ушёл от нас вчера вечером.

– Тогда нужна картинка с камер за вчерашний день, – следовательно уже перешёл в видеоряд задним числом.

– Где-то около восьми вечера, – ввернул я.

Перемотка. Люди, снег, машины. Вереница мелькающих картинок.

– Вот он!

Фигура Андрюхи идёт к воротам дома. Вышел за периметр. Закурил. К нему подошёл кто-то. Снова он. Небольшой диалог и... Андрея заслонили, повалили в салон авто, пара резких движений Ягуара – и друг остался в тачке. Дверь салона закрыли, и авто двинулось прочь.

– Сразить майора? – Вячеслав метал молнии. – Этот сукин сын определённо что-то сделал. Нам лучше поторопиться. Если верить моему чутью, кому-то из них скоро крышка, – опер тут же взялся за телефон.

ОЛЬГА

Тахту застелила тряпками, что хранились в углу помещения, лелея надежду, что они не такие грязные. Повторно дала малышке жаропонижающее, поэтому Аня уже чуть живее играла с погремушками.

Андрей сошёл с лица. Бледность его кожи и сине-чёрные губы пугали меня всё больше и больше. Капли пота градом стекали по его лбу и щекам. Я пыталась отвлечь мужчину, каждый раз сменяя повязку.

– Тоха найдёт, – еле слышно просипел он. Андрей зачем-то пытался меня успокоить. – В моей тачке GPS-трекер, Оль... Полиция сразу же нас найдёт. А ты – умничка, – он вяло улыбнулся. – Догадалась дать ему подсказку.

Я слушала его, старалась мягко улыбаться, но в это время усердно молила Бога спасти нас... Спасти его.

Стальная дверь гроыхнула, заставив метнуться к Ане и взять её на руки. Ягуар посмотрел на меня, потом на Андрея. Пнул мужчину по ноге, словно проверяя, издохла ли псина. Раненного перекосило от адской боли.

– Живой ещё, – протянул с сожалением.

– Ярослав, – не своим голосом произнесла я.

От этого имени он встрепенулся, словно ему засадили звонкую пощёчину.

– Прошу тебя, помоги ему. Не убивай!

– Тебе что тут, благотворительность? – его лицо скривилось.

– Ярослав, ради Ани... Я умоляю тебя, ради твоей доче-

ри, – губы задрожали то ли от страха, то ли от гнева.

Капельки слёз замерли в глазах, но ненависть к этому человеку была сильнее всех чувств.

– Не носи чушь, – он усмехнулся и потянул руки к ребёнку. – Дай мне дочь.

Нервы окончательно расшатались, и я с силой оттолкнула его, зашипев:

– Дочь?!

Перехватила ребёнка за шкурку, держа, как котёнка.

– Она – ублюдок, твой ублюдок... А родила я её, чтобы потом убить. Слышишь, мерзавец? Как ты! Помнишь? Убить твоего ребёнка за то, что ты позволил убить моего. Но я этого не сделала, – мне дико захотелось швырнуть в него Аню, как какую-то куклу. – Я сохранила ей жизнь, сволочь. Выходит, для тебя, скотина! Чтобы ты полюбовался на своего выродка! И ты теперь говоришь о благотворительности?! Чтоб ты сдох, мразь!

Его глаза налились кровью, а лицо вытянулось в напряжённой гримасе. Схватив за затылок, рванул к себе впритык, требуя смотреть на него в упор. Его губы побелели от гнева. Я же буравила мужчину ненавистным взглядом, не замечая, как слёзы катятся по лицу. От наших резких движений Аня захныкала и раздалась плачем, словно отрезвляя его и меня. Оттолкнул, отпуская, и, не дав мне опомниться, вырвал девочку из моих рук.

– Нет, Аня! – тут же набросилась на него с кулаками. –

Отдай... Не трогай, ребёнка!

Била в спину, в голову, дикой кошкой царапая ему руки и шею. Мужчина прорычал от болезненных ранений и, развернувшись, вlepил мне мощную оплеуху, свалив с ног. Ударилась головой об арматуру, торчащую из бетонного пола.

– Оля, – слабый возглас Андрея, плач малышки и резкая тошнотворная темнота.

Когда пришла в себя, с трудом различила зов раненого:

– Оленька...

Я поднялась, возвращая голову на место.

– Оля, – его сиплый голос было еле слышно.

– Да... Всё хорошо, – подползла к нему. Снова нервно сменила ветошь.

– Она – его дочь... Он её не тронет... – пытался успокоить.

– Эта мразь почувствовала себя отцом, – яростно отжала тряпку в таз с водой и промокнула ей лоб Андрея, одновременно, прислушиваясь к звукам за дверью. Тишина.

– Оля, я умираю.

– Нет, – твёрдо прорычала. – Я не дам тебе... Держись!

– Оля, – голос его стал вдруг твёрже. – Я давно не чувствую ног и рук. И двигать меня нельзя. Я – не жилец. Оставь меня тут... Постарайся отвлечь его, сбежать...

– Замолчи! – голос сел от кома в горле. – Больше никто не умрёт... Борись! Я не могу больше никого терять! Ради меня, прошу, Андрюш, борись!

Он замолк, упокоив голову на моих коленях. Ласково гла-

дила его по лбу, уходя в новый болезненный транс. Как тогда, когда держала на руках мёртвого сына. Негромко напевала что-то из старых хитов, раскачиваясь. Тело Андрея испустило тяжёлый грудной выдох, дёрнувшись. Посмотрела на него. Тронула за шею. Пульс ушёл прямо из-под моих пальцев.

Слёзы ручьем потекли по щекам.

– Андрюш? – без реакции. – Андрюш, пожалуйста... Нет...

Погребла его вмиг отяжелевшую голову в свои объятия и горько заплакала. Рукоять пера смотрела на меня. Мне нужно защищаться!

– Прости меня, – чмокнула мужчину в холодную щеку и потянулась к ножу.

Засел глубоко. Собрав в себе все силы и подавив тошноту, рванула лезвие из брюшины. Сорвала с тахты тряпку. Из какой-то бесполезной палки симитировала нож, который как бы по-прежнему в нём. Накрыла мёртвое тело.

Ноги подкашивались от страха, но рукоять в моей руке вселила храбрость. Звук шагов за дверью. Лязг затвора. Сюда идут. Заткнула перо за пояс джинс.

ЯРОСЛАВ

Я долго сидел на диванчике, наблюдая, как дочь слюнявит свои кулачки, с силой давя ими на дёсны. Похныкивала. Потрогал лобик, вроде температуры нет. Сунул в детскую ладошки резиновую уточку, что в сердцах купил в детском отде-

ле аптеки. Девчушка тут же рьяно вцепилась в неё ртом.

– Немного тебе для счастья надо, – умиленно засмеялся и уткнулся носом в рыжую головку. Втянул детский запах.

Ощутив меня, малышка покачнулась, отбросив утёнка, вцепилась пухлыми ручками в лицо. Найдя нос, также принялась пробовать его на новый зуб.

– Не-е, Анка, папке нос ещё нужен, – сладко чмокнул девчушку в щёчку.

Вытер лицо от её слюней и снова дал ребёнку игрушку. Лёг на диван рядом с ней. Разглядывал, как она сражается то с игрушкой, то со своими ручками да ножками, то периодически с моими ладонями. Тихо говорил ей первое, что взбредёт в голову. Опыта общения с дамами данного возраста у меня не было, потому нёс всякую ахинею. Глазки ребёнка сонно смотрели по сторонам, но дочь явно изо всех сил храбрилась, чтобы не уснуть. Спеть бы ей, но кроме "На моей Луне" из репертуара "Мёртвых Дельфинов" ничего в голову не шло, потому просто забубнил мелодию из какого-то старого мультика.

Через полчаса Аня сладко сопела. Накрыл её своей курткой и подложил внутрь утёнка.

Сел, напряженно вспоминая слова Ольги. Она родила её для того, чтобы убить. Вдруг представил Аню мёртвой. Крохотное сердечко не бьётся, мягкие ладошки не обнимают, рядом нет её запаха. Холодок ужаса потёк по венам. Судорожно отбросил эти эмоции.

Я лишь пару часов с дочерью, но уже боюсь себе представить, каково это – потерять её навсегда. А Оля? Сколько ему было? Года три-четыре? Она любила своё дитя все эти годы, жила им... И в секундный и бесповоротный миг пришёл я и позволил забрать его. Не дал даже в последний раз обнять, сказать что-то важное.

Твою мать! Сука, сука, сука! Укол сожаления и совести изрезал грудь, сводя пальцы в судороге. В какую же тварь и мразь я превратился, раз убийство невинного ребёнка пропустил сквозь пальцы?! Да, я не умею любить, некого было и "как" никто ни разу не показывал, но как я смог настолько ожесточить свою душу?

Захотелось разнести весь ангар. Рванул к боксёрскому мешку и прямо голыми руками вложил всю ярость на себя в удары, сдирая кожу с костяшек пальцев и травмируя кисти. Когда вымотался, упал на него, обняв и устало покачиваясь. После осел на пол. Боль в груди и раскаяние сдавили настолько, что изнутри вышел стон, увенчавшись потоком слёз, о существовании которых в себе никогда не подозревал.

Мне невероятно сильно захотелось вновь её увидеть. Ту, что только что располосовала моё сердце в лохмотья. Ту, что вдруг докопалась до дна в моей душонке и вынула наружу чувства, что давно схоронил – совесть и сострадание.

Высушив слёзы, вернулся в комнату с пленниками.

Картина изменилась. Тело парня Оля накрыла какой-то

тряпкой. Мёртв. Нож был всё так же у него в брюшине. Потом достану. Сейчас не буду её пугать, ведь я пришёл для другого.

Оля сидела на полу возле трупа, поджав к груди колени, и просто смотрела в никуда. Вздёржена и напугана моим присутствием.

– Я не смогу дать тебе все ответы, – проронил я, пугаясь собственного голоса, – но главное ты должна знать. Твой муж не был святым, Оль. За то вы все и поплатились.

Вскинула на меня вопрошающие глаза.

– Кирилл изменял тебе с женой Лесина. Именно она хотела, чтобы я убил тебя, но, несчастью, выполнялся не только её заказ. Твой муж отмывал деньги. Всё, чем вы владели – грязь, – лицо Оли лишь перекосила гримаса душевной боли. – Главной моей добычей был твой муж и то, что хранилось у него в сейфе. Когда увидел тебя, грохнул твоего кобеля с ещё большим смаком. Сына твоего, – тут в груди светло, – прости... Об убийстве ребенка даже не думал, возможно оставил бы где-нибудь в лесу или у дороги тогда, но обстоятельства сложились иначе и стали мне не подконтрольны. Убить тебя пытался, но, видимо, не смог. Впервые не смог. Ты чем-то зацепила меня. Насилюя тебя в тот вечер, я словно насиловал себя. Злился на тебя, что вызвала во мне столько неясных и непривычных эмоций. Я решил оставить всё пожару, надеясь, что огонь завершит грязное дело. Прости меня, знаю, я не достоин просить, но прошу... – снова

умоляюще смотрю на неё.

Огромные карие глаза, больше похожие на янтарь, копна рыжих волос, идеальное лицо, но снова обезображенное мной – рассечка на брови, отёк на щеке. Мои чёртовы действия снова причинили ей боль. Впервые признал, что я и, правда, мразь. Подошёл, присев на корточки рядом с ней. Коснулся красивого лица.

– Я счастлив, что ты выжила. Судьба со мной шутку сыграла, подарив беспощадному убийце и беспринципному хищнику кроху, которая теперь превратила меня в сопливого парня. Аня – моя символическая смерть. Родив её, ты убила зверя, Оль...

Невероятно сильно захотелось выразить Ольге всю благодарность за этот дар. Взял ладони девушки и нежно поцеловал. Не вырвала. Смотрит исподлобья. Вновь разглядывал её лик, в очередной раз понимая, что такую нужно любить. И я бы это делал, будь моя воля. Страстно захотелось сжать эту фигурку, обнять, поцеловать. Год назад я лишь владел этим телом, но теперь... Теперь мечтал о другом.

Обхватил её лицо руками и решительно поцеловал. Не ответила, но и не отстранила. Подчиняется? Ну и пусть. Мне лишь начать, и она растает. Все девушки меня хотели, даже после моих сексуальных извращений и зверств с ними, но только с ней хочется впервые быть нежным. Дарить ласку. Она – мать моего ребёнка. Только она узнает, каким я могу быть на самом деле.

Поднял с пола, продолжая целовать губы, шею. Подтолкнул к тахте, аккуратно уложив. Навис над ней, пленив одной рукой ладони над её головой, нежно смял груди и впился в ложбинку между ними, оттянув вниз вырез футболки. Бархатная кожа, запах фрезии и ванили. Тело пробило током эрекции. Упёрся в её промежность, жадно насиловал губы, исследуя и упиваясь её горячим дыханием. Ответила. Обхватила ногами за бёдра, сильнее вжимая в себя.

Сейчас с ума сойду, мать вашу! Не заметил, как оказался снизу, а эта крошка оседлала меня. Подарок от её губ на шее, ключице. Томный выдох мне в лицо. Скользнула рукой в под пояс брюк. Едва не вскрикнул от наслаждения.

– Да, Оленька, – закатил глаза...

Изгибаясь от её ласк, пропустил удар ножа мне в ключицу. Лишь адреналин не дал прочувствовать адскую боль до конца. Второй удар нацелен в сердце. В последнюю секунду успел отвести его левее, и нож пронзил плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.